

Дара
Преображенская

Нежный цветок

18+

Дара Преображенская

Нежный цветок

«Автор»

2026

Дара Преображенская

Нежный цветок / Дара Преображенская — «Автор», 2026

Героиня романа Гюль-че-чек – уроженка Ирана. Повествование относится к началу – середине 20 века, когда произошла смена власти в Иране. Между иранской девушкой и русским иммигрантом, попавшим в непростую ситуацию, зарождается любовь. Любовь – это что-то неосязаемое, и она может возникнуть даже между представителями разных религиозных конфессий. Она рождается в страданиях, когда приходится чем-то жертвовать ради любимого. Но в итоге они связаны невидимыми мистическими узами, которыми исторически оказываются связаны их семьи, несмотря на разность менталитета. В судьбу главных героев плавно вплетается и мистика

© Дара Преображенская, 2026

© Автор, 2026

Дара Преображенская **Нежный цветок**

Я

ДАРА ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ

«НЕЖНЫЙ ЦВЕТОК»

Дара Преображенская «Нежный цветок», роман, Глазов, 2015 год.

С

«Если вдруг жизнь заведёт тебя в глубокую яму судьбы, никогда не отчаивайся, а поднимись и иди дальше.

Помни, судьба в твоих руках».

(Неизвестный).

Содержание: стр.

Часть 1.

Глава 1. «Далёкий аул» ----- 4

Глава 2 «Летающие небеса» ----- 20

Глава 3 «Святой Грешник» ----- 37

Глава 4 «Ясновидец из Медины» ----- 55

Глава 5 «Окрестности Исфахана» ----- 73

Глава 6 «Тернии» ----- 91

Часть 2.

Глава 7 «Танцовщица в чайном домике» ----- 109

Глава 8 «Неизвестность» ----- 127

Глава 9 «Встреча» ----- 145

Глава 10 «Шипы любви» ----- 163

Глава 11 «Опасности» ----- 181

Глава 12 «Испытания» ----- 197

Глава 13 «Во имя любви» ----- 214

Глава 14 «Тень прошлого» ----- 230

Глава 15 «Гюль-че-чек» ----- 247

Глава 16 «Воля судьбы» ----- 264

«Глава 1

«Далёкий аул»

«Жизнь вечна,

Но мы бренны».

(Восточный мудрец)

.....Гюль-че-чек! Гюль-че-чек! Что там опять случилось?

Когда с треском разбивается очередной кувшин с пахтаньем твоя душа по привычке уходит в пятки, и ты готова спрятаться где-нибудь, как дикий сайгак, боящийся быть съеденным волчицей.

Сайгаки – пугливые животные, а я не из пугливых. Но лучше уж спрятаться где-нибудь и отсидеться в норе, чем попасться на глаза тётушке Азар. «Азар» (арзу) на нашем языке фарси означает «огонь» (желание). И действительно, тётушка Азар быстра и стремительна, как лань, и вспыльчива, как огонь.

Помню, когда она ходила по дому своей громкой походкой, мы – дети, прятались по своим углам: кто под кроватью, кто в чулан, чтобы только не попасться на глаза тётушке «Огонь». Нет, она, конечно, была доброй женщиной из старого азербайджанского рода со смуглым, выдавшим палящие лучи Солнца, лицом, испещрённым мелкими морщинками и орлиным взглядом чёрных пронзительных глаз. Когда она улыбалась, в её глазах загоралось настоящее пламя.

Зато с ней никогда не было скучно, потому что она знала множество притчей, сказок, поговорок, как и бабушка Гюльзар, знавшая их ещё больше, и когда тётушка Азар или бабуля рассказывали их нам на сон грядущий, мы мирно засыпали под скучное завывание рожка, доносившегося из окон.

А какие тётушка Азар делала сладости! О, рахат-лукум был моей слабостью, и я готова была продать душу шайтану за один маленький кусочек этого лакомства. Обычно он изготавливался в огромных количествах на свадьбу или на день Пророка Мухаммеда; помню, столы чуть ли не ломились от гор рахат-лукума.

И ещё, что мне нравилось в тётушке Огонь, несмотря на её крутой нрав, это то, что она, уличив нас в детских шалостях, никогда не доносила об этом хозяйке дома бану. Если у неё было хорошее настроение, грозила нам пальцем, деланно хмурилась и говорила:

- О, Аллах, уйми Ты этих маленьких невежд! О, пророк Мухаммед, вразуми же Ты, наконец, этих детей шайтана!

«Детей шайтана» было всего трое: я, моя кузина Махса (что на языке фарси означает «луна») и мой кузен Бехруз (счастливый). Сейчас, спустя много лет их лица из памяти прошлого ясно встают передо мной: круглое, совсем, как у луны, у моей кузины с толстыми, словно чёрная тесьма, бровями, пухлым детским ротиком. Что касается Бехруза, то я помню лишь нос с горбинкой и огромные, будто плоды чернослива, глаза в густой пелене ресниц. Случалось, Бехруз начинал часто хлопать этими ресницами, и я совсем не могла понять, что у него на уме. К сожалению, а, может быть, и к счастью, эти выволочки не возымели на нас никакого эффекта. Конечно же, тётушка Азар вскоре остывала, улыбалась нам и угощала нас сладостями.

Хозяйка дома бану («госпожа») Хуршид считалась моей тётей по матери, которую я потереяла, когда мне исполнилось едва-едва пять лет. Не помню, как это случилось, но впоследствии я слышала, что она будто бы умерла от тоски по безвременно ушедшему мужу – моему отцу. После смерти отца, (кажется его звали Араш), я и мама жили в Тегеране на попечении её брата Рустама. Его я совсем совсем не помню; помню только, что у нас был большой дом с красивым садом, полным инжира и айвы.

Помню, у дядюшки Рустама была большая семья, и я часто устраивала проделки двум его дочерям Тахмине и Лалех. Они представлялись мне эдакими ябедами и нюнями, которых мне всегда хотелось хорошенько проучить.

Однажды Лалех ела халву, ни за что не желая поделиться ею со мной. Она с ядовитым выражением лица заявила, что мне не достанется ни крошки. Мне тогда так хотелось расцарапать её наглое нежное личико, потому что я любила халву, а особенно с миндалём. Она готовится по особым дням и считается редким угощением.

Но вместо того, чтобы исцарапать Лалех, я поступила иначе.

С умным выражением глаз я заявила Лалех:

- Эта чудесная халва на самом деле заговорённая. Я слышала, кто хоть немного вкусит её, тот к ночи станет уродливым. А к утру у него вырастет очень длинный нос до самой земли.

Я едва сдержала смехок, спокойно наблюдая за тем, как Лалех, словно ужаленная, отбросила на ковёр солидный кусок халвы. Лицо Лалех перекошилось от ужаса, она замахала руками.

Из её глаз брызнули слёзы, она побежала искать бану Хамиз, во всё горло крича при этом:

- Мама! Я скоро стану уродиной, и у меня вырастет длинный нос! И тогда никто никогда не возьмёт меня замуж!

О, а мне оставалось наслаждаться вкусами и ароматами халвы.

Правда, вечером мне пришлось отсиживаться одной в комнате для наказаний, потому что бану Хамиз не одобрила мою шутку.

Помню, эта комната располагалась на втором этаже дома, она была пустынна, совершенно без окон. На стене висел портрет Пророка Мухаммеда. Когда загоралась свеча, то портрет, словно, оживал, и мне становилось страшно.

Помню, однажды за очередную проделку мне пришлось отсиживаться в комнате для наказаний. Свеча высветила большие пронизательные глаза Пророка. Мне вдруг стало так стыдно за свои шалости, что я упала на колени, меня затрясло от слёз. И я сказала в тот момент, обратившись к Пророку со словами:

- Простите меня, али. Я не должна была обижать своих кузин, но, поверьте, я не со зла. Обещаю, я никогда больше не стану дразнить их.

Однако спустя какое-то время все обещания вероломно нарушались мной. Просто я была необузданным и слишком живым ребёнком и ничего не могла с этим поделать. Моей бедной матери пришлось выслушать много колкостей и нравоучений от бану Хафиз. Мне казалось, что жена дяди Рустама не любила меня.

- Следует хорошенько проучить Гюль-че-чек за её проделки! – частенько ворчала бану.

Многое, впрочем, мне спускалось с рук в силу моего возраста, а также потому что служанки очень любили меня. Как могли, они защищали меня перед бану.

Как-то раз, когда я вышла в сад, чтобы вместе с остальными детьми поиграть с ними в нарды, Тахмина – старшая сестрёнка Лалех, убрала доску с фигурками у меня из-под носа. Возможно, Тахмина, как её сестра и бану, считали мою мать и меня приживалками, воспринимая ниже своего достоинства всякие отношения с нами. С полной решимостью я вылила на кухню кувшин с водой, случайно оказавшийся на крыльце.

О, что было после моей выходки! Тахмина залилась слезами и побежала жаловаться бану. Бану Хамиз в это самое время находилась в беседке с какими-то женщинами в чадрах, считавшимися её подругами. Я слышала издалека, как они что-то обсуждали, поглощая в огромных количествах шарики в глазури.

Наказание не заставило себя долго ждать. Тётя Хамиз напоминала разъярившуюся фурию, когда приближалась ко мне; казалось, из её рта вот-вот брызнет слюна, толстое лицо бану покрылось красными пятнами. Она схватила меня за запястье так сильно, что это причинило мне боль, и поволокла в дом. По дороге она кричала на меня:

- Тебе следовало бы надрать уши, мерзкая девчонка! Но я не стану опускаться до подобного. Пусть Аллах накажет тебя!

Уже в который раз тот вечер я провела в пустой комнате в компании старого портрета Пророка Мухаммеда. Мне даже казалось, что именно тогда этот портрет стал для меня настоящим другом. По крайней мере он не кричал мне, что я – негодная девчонка, не посылал меня к шайтану, не хмурился, если я начинала улыбаться, вспомнив что-нибудь приятное. Он просто молчал, воспринимая меня такой, какая я была. Изображать лик пророка является оскорблением для мусульманина. Говорили, художника-европейца за этот портрет постигла большая кара, но он стоял здесь в этой закрывавшейся на ключ комнате в назидание за «непослушание».

В тот вечер я пела песни, и мне казалось, что Пророк Мухаммед слушал меня. Я пела, чтобы только не сойти с ума от тоски, ведь я была очень живым ребёнком. Помню, как у меня ныл желудок от голода, но, оказалось, что на ужин меня совсем никто не собирался звать. Моя бедная мама уже тогда была больна, я часто в то время думала о ней, вспоминая её слишком бледное худое лицо с двумя огромными чёрными глазами, казавшимися ещё больше из-за впадных, лишённых природного румянца щёк.

Мне едва исполнилось пять лет, а в это время девочки на Востоке начинают взрослеть, и их постепенно готовят к замужеству, и я обратилась с молитвой к Аллаху, глядя на портрет Пророка, которого я уже перестала бояться. Я зашептала:

- О, Великий Аллах, помоги моей маме стать здоровой и счастливой, как раньше, и накорми меня сегодня чем-нибудь, ведь Ты всё можешь. Мне больше не к кому обратиться кроме Тебя.

Да, в тот день так получилось, что Аллах услышал меня. Я помню, как неожиданно в замке щёлкнул ключ, и со свечой в комнату вошла наша служанка Амина.

В руках на этот раз у неё был большой поднос, уставленный различными яствами. Я пишу «на этот раз», потому что обычно руки Амины были заняты вязкой.

Амина была уже немолодой полноватой женщиной со спрятанными под платком длинными седыми волосами. Ей было тогда лет шестьдесят или около того, и, возможно, в молодости она была очень красивой, потому что даже сейчас в таком возрасте красота читалась в каждой черте её лица, каждой морщинке и складке. Говорили, что когда она жила в Турции, и у неё был любимый человек, но он ушёл от неё, уехав в Америку, чтобы осваивать в той далёкой земле новый бизнес.

Не выдержав горя и позора, Амина покинула свою родину, отправившись навстречу неизвестности. С тех пор уже прошло много лет, однако в сердце несчастной Амины-апы всё ещё была жива её прежняя любовь, которую она не смогла забыть.

Я помню, что Амина была очень привязана ко мне, а также и то, что у неё были грустные глаза турецкой красавицы, в которых навечно поселилась глубокая печаль....

Свеча подрагивала, высветив её улыбку и глаза. До сих пор помню свою детскую радость при виде всего того, что принесла мне моя верная Амина. О, чего там только не было на этом большом подносе! Плов с шафраном и индийскими специями, кусочек запечённого на вертеле мяса молодого барашка, финики, сладости из Бухары, цукаты, засахаренные плоды инжира. Мой взгляд перебегал с одного блюда на другое, и я не знала, чему первому отдать своё предпочтение.

Поднос был поставлен на пол, а я всё ещё не могла опомниться от такой неожиданности. Я принялась целовать служанку, по-детски выражая ей тем самым свою благодарность.

Я приступила к плову, уплетая его со зверским аппетитом, избегая проницательного взгляда Пророка Мухаммеда с портрета.

- Простите меня, Великий Господин, - сказала я вслух, - просто я очень голодная и очень хочу есть.

Я помню, как Амина-апа удивлённо посмотрела на меня.

- С кем ты разговариваешь, Гюль-че-чек? – спросила меня добрая женщина.

Я ничего не ответила ей, потому что мой рот был набит пловом, лишь только кивнула на портрет. Когда я смогла заговорить, я сказала:

- Это – мой друг.

Няня (я считала её своей няней) снова грустно улыбнулась и тоже посмотрела на портрет.

- Ты считаешь Его своим другом, дитя?

- Да, потому что он никогда не злится на меня и никогда не хмурится.

Помню, как няня обняла меня, также, как обнимала меня мама, и произнесла:

- Бедный мой Нежный Цветок, сколько же испытаний выпадет ещё на твою бедную головку!

Тогда я не поняла, о каких испытаниях говорила мне няня, я почему-то в силу своей неопытности и детской наивности думала тогда, будучи беззаботным слишком живым ребёнком, что тяжёлые испытания выпадают лишь тем, кто принадлежит миру взрослых, кто слишком озабочен своей жизнью и отвык от свободы, той свободы и естественности, которая присуща детям.

Няня часто называла меня Нежным Цветком, потому что так звучало бы моё имя, если его перевести с нашего на другой язык. Вообще, наши имена отличаются поэтичностью, и каждое несёт в себе какой-то смысл.

«Нежный Цветок»..... - мне нравилось моё имя, хотя я совсем не была неженкой и белоручкой. Большинство детей, выросших и воспитанных в состоятельных семьях Бухары и Самарканда, считали себя «высшими аристократами», с пренебрежением относились к нашим традициям, демонстративно причисляя себя к «английским буржуа», несмотря на то, что такими они не являлись.

Девушки ярко красили губы, коротко стригли волосы; мужчины одевались в смокинги и курили дорогие сигары. Не знаю, может быть, такой стиль неплох сам по себе, но я была воспитана совсем в других традициях. Смокинги представлялись мне тесными и уродливыми, а короткие волосы лишали девушек красоты и женственности.

Наш шах Мозаферетдин не одобрял подобного влияния запада на нашу культуру. Я слышала, как дядюшка Рустам рассказывал о народных волнениях и стычках в Тегеране, Исфахане и Тебризе. В этих стычках участвовали те, кто считал себя сторонниками нашей правящей династии Каджаров и сторонники Реза-шаха Пехлеви.

Я помню, дядюшка Рустам возвращался лишь на неделю или две после длительных поездок, связанных с торговлей. Он торговал персидскими коврами и пряностями, которые с небольшим караваном вёз в Китай, Тибет, Индию. Из Индии же он привозил различные мази, пузырьки с какими-то таинственными снадобьями, сулящими молодость и здоровье женщинам.

Дядя Арман, двоюродный брат дядюшки Рустама, впоследствии продавал всё это в своей маленькой аптечной лавке. Помню, его лавка с утра до позднего вечера была полна покупательницами в чадрах. В лавку даже частенько заглядывали служанки известных жён государственных чиновников из междлиса, чтобы «купить» красоту и молодость своим господам. Всё это, конечно же, держалось в строжайшем секрете.

Помню, как все члены семейства собирались в большой гостиной вокруг дядюшки, который рассказывал всевозможные истории о том, что он видел в чужих краях.

Лалех с Тахминой сидели на пуфиках подальше от меня, потому что я могла «дать сдачу», если бы они задумали обидеть меня.

Бану Хамиз, как всегда, щёлкала миндаль в сахарной глазури. Я очень любила это лакомство, но бану никогда не давала мне его, говоря во всеуслышание, что я – наглая дерзкая девчонка. Она также заявляла, что у нас с мамой нет ни рода, ни племени, что мы живём за её

счёт, и что эта ноша для неё очень тяжела. Причём, эти слова говорились с те моменты, когда её муж, дядюшка Рустам, отсутствовал в доме в связи с торговлей.

Бедный дядюшка, его так долго дурачили, что он до сих пор был уверен в том, что его семья приняла ради Аллаха и Пророка Его Мухаммеда бедных родственников.

Согласно Корану, если ты богат, ты должен быть милосердным к ближнему. Бану утверждала, что почитала Коран.....

Я помню, с каким интересом мы слушали дядюшку, со временем меня начинало клонить в сон, и в конце концов я засыпала на плече у няни.

Помню, мне снились белые, как пух облака, которыми я была окружена. Затем облака рассеивались, и я видела совершенно незнакомого мне юношу, который был слишком необычным. У него была светлая кожа, светлые волосы и голубые глаза.

Я помню, когда я терялась в середине моего сна, с моих губ вырывался один и тот же вопрос:

- Кто ты?

Но как только я задавала необычному юноше этот вопрос, пространство вокруг меня вновь начинало заполняться белыми пушистыми облаками, которые становились всё гуще и гуще.

В последний момент, перед тем, как скрыться за пеленой облаков, юноша протягивал мне что-то. Это был белый нежный цветок, который я держала в своей ладони. Затем юноша действительно исчезал, а вместо него я видела сияющее солнце. Однажды, проснувшись, я увидела в своих руках белый цветок. Он был настолько реален, что я не могла поверить, поэтому позвала няню.

Няня, как и всегда, в то утро принесла мне стакан молока, так как нашим детям дают молоко по утрам и на ночь. Она присела ко мне на кровать и протянула мне молоко.

- Возьми, Нежный Цветочек, выпей, - сказала Амина, - тебе нужно спускаться к завтраку, иначе бану будет опять недовольна тобой.

Я помню, как в полузабытьё пробормотала:

- «Нежный Цветочек», - протёрла глаза, словно желая избавиться от наваждения, и ещё раз посмотрела на свои руки.

Белый цветок из моего сна исчез. Няня, конечно же, удивилась. Она видела, что со мной происходит что-то неладное, необычное, поэтому мне пришлось рассказать ей свой сон.

Она улыбнулась, поцеловала меня в лоб; на этот раз в её улыбке не было ни тени грусти.

- Нежный Цветочек, - сказала Амина, - в твоём сне к тебе приходил сам архангел Джабраил и принёс радостную весть.

- Весть? – спросила я.

- Он дал тебе понять, что несмотря на испытания, через которые ты пройдёшь, всё в твоей жизни будет хорошо. И ты встретишь Большую Любовь.

В тот день мне понравились слова няни за исключением «испытаний». Слова «Большая Любовь» оставались для меня долгое время загадкой, я воспринимала их, как Огромную Радость, которая непременно должна была случиться.

О, Аллах, если бы я знала тогда, насколько мудрым окажется «вердикт няни» и насколько точным будет её «пророчество»!

Помню полный скорби дом в тот день, когда умерла мама. Это случилось вскоре после празднования хаджа, а в последнее время она была очень беспокойна, потому что перед смертью хотела посетить почтенного Юсуфа, который только что вернулся из Мекки. Наверное, мама хотела поговорить с ним о вечности, о тех райских садах, куда согласно Корану улетаются праведники после своей смерти.

Сейчас, спустя годы, я могу точно сказать, она чувствовала приближение смерти. Она часто призывала меня к себе, когда дом погружался в сон, и мы сидели с ней часами, взявшись

за руки. Я помню, в те долгие часы её глаза были всегда полны слёз, и мне казалось, ей так и не удалось выплакать их до конца.

Я помню, в такие часы возле светильника сидела Арзу и читала строки из Корана, мама приглашала её специально, чтобы насладиться звуками Священного Писания.

Арзу считалась лучшей чтицей Корана во всём Тегеране. Говорили, что сам шах Мозаферетдин частенько приглашал её в свой дворец на религиозные праздники в женскую половину своей резиденции.

Арзу была старой почтенной женщиной с длинными прядями абсолютно седых, как горный снег, волос и уставшими воспалёнными от долгого чтения глазами. Я побаивалась её из-за высокомерия, а в тусклом свете ночника в форме тюльпана она вообще казалась мне каким-то мифическим существом из сказок Шахерезады.

Я любила эти сказки, любила, когда няня читала их вслух на сон грядущий, а когда я, наконец, засыпала под её монотонный тихий голос, то герои арабских сказок приходили в мои детские сны. А самой любимой моей сказкой была «Алладин и волшебная лампа». Мне хотелось тогда, чтобы все джины мира возникли передо мной и исполнили бы самое моё заветное желание – подарили моей маме здоровье и жизнь.

Но джины были глухи к моим детским мольбам, наверное, им совсем было не до меня, ведь на земле у людей столько желаний, и всё нужно исполнить....

....Мама умерла вскоре после празднования Хаджа, но перед этим она вновь призвала меня к себе, чтобы дать последнее напутствие.

Помню, в тот день у неё были ясные глаза, казавшиеся чернее ночи, она даже помолодела, и её бледная обычно кожа, казалось, изнутри сияла румянцем. Она была, как никогда, спокойна, взяла мою ладонь в свою и сказала:

- Гюль-че-чек, мой Нежный Цветочек, кажется, смерть настигла меня, и мне скоро суждено отправиться очень очень далеко. Разве сможет кто-нибудь любить мою Гюль-че-чек и заботиться о ней?

Мне так хотелось закричать тогда:

- Mamochka, не говори так!

Но я лишь закрыла глаза, полные слёз, и в тот момент ощутила в своей ладони что-то холодное. Я открыла глаза и посмотрела на ладонь. Это был роскошный перстень с очень красивым драгоценным камнем нежно-голубого цвета, который мама сняла со своего пальца и переложила в мою ладонь. Я часто видела на ней тот самый перстень, считающийся семейной реликвией, потому что он передавался из поколения в поколение от матери к дочери.

Мама надевала перстень по религиозным праздникам, но в последнее время она практически не расставалась с ним, будто перстень обладал некоей магической силой.

- Возьми, Гюль-че-чек, - голос мамы с каждым разом всё слабел и слабел, он напоминал мне дуновение лёгкого ветерка, такого лёгкого, что мой слух едва улавливал его.

- Что это? – спросила я, внимательно разглядывая чудесный перстень. На какой-то миг, пусть даже достаточно короткий, мне показалось, что от него исходило какое-то сияние.

- Мой дар тебе, Гюль-че-чек. Этот голубой алмаз принесёт тебе счастье, храни его. До тех пор, пока алмаз будет с тобой, будет с тобой моя помощь и защита.

Я ещё раз посмотрела на камень, словно оживший прямо на моих глазах, ибо внутри его граней возник загадочный неведомый свет: радостный и спокойный.

Я помню, в тот момент на моём сердце стало как-то спокойно, несмотря на то, что рядом со мной умирала моя мама. Впоследствии я спрятала алмазный перстень в свою шкатулку, чтобы никто не посягнул на моё сокровище.

Мне запомнились последние слова мамы, обращённые ко мне:

- Доченька, пронеси в своём сердце любовь через всю свою жизнь. Если ты встретишь своего избранника, голубой алмаз защитит ваши чувства, и ты сама увидишь, как изменится его сияние. Это – язык чувств, который тебе ещё предстоит познать в своей жизни.

Тогда я не поняла, какой смысл вложила в эти слова мама, тогда мои мысли были полны глубокой скорби. А я целый день молилась, обращаясь к Всевышнему, чтобы Он спас маму. Но она всё равно умерла.....

После похорон дядюшка уехал в Тебриз, а ещё через какое-то время няня помогла мне собрать мои пожитки, потому что мы отправлялись в сердце Ирана в небольшой горный аул под названием «Исхан», что значит «земля ислама», где жила тётя Хуршид.

...Наш род считался одной ветвью старинных азербайджанских семейств, строго чтивших свои традиции. По нашим традициям закон гостеприимства считается незыблемым, поэтому он безприкословно соблюдается в любой хоть ближней, хоть дальней части нашей земли. Согласно этому закону любой гость, а особенно если он – дальний или ближний родственник, почитается. Ему оказывают всяческое уважение независимо от того, враждуют два рода между собой и ли нет. Гость – это святое, и никому никогда не придёт в голову оказать гостью недолжный приём, так как подобное поведение было чревато всеобщим презрением со стороны жителей всей округи и даже соседей. А затем спустя годы люди будут из уст в уста рассказывать друг другу, каким ты оказался негодным хозяином.

В Иране таких аулов, как Исхан, где мне суждено было прожить в течение долгих лет, множество; все они разбросаны друг за другом на территории горного плато – какое-то селение ближе от остальных, какое-то – дальше.

Я помню свежий чистый горный воздух, которого так не хватает в городах, утопающих в пыли. Однако города хороши тем, что там много садов, засаженных прекрасными цветами и фруктовыми деревьями. Какое же от них исходило благоухание!

Горные аулы не такие. Они, словно фасоль, разбросанная вдоль хребтов. Воздух в той местности на самом деле так чист и прозрачен, что глазами ты можешь уловить его малейшее дрожание. Недаром здесь живут долгожители, которые пьют чистую воду и дышат этим воздухом.

В тот день, когда мы с няней приехали в аул Исхан, Солнце уже стояло довольно высоко, и было жарко, хотя впоследствии, я узнала о том, что ночи были довольно холодными из-за близости гор, покрытых толстыми ледниками.

Тётушка Хуршид встретила нас радушно, как и полагается восточной женщине, по обычаям, заповеданным нашими предками встречать своих родственников, хоть и дальних. К тому времени бану Хуршид исполнилось тридцать пять лет, она выглядела солидно в красном узорчатом чаршафе. Смуглое лицо её своею формою напоминало луну, взгляд глубоких чёрных глаз был добрым и в то же время решительным. Семейство бану считалось уважаемым в ауле, поскольку муж тётушки Махсуд входил в совет старейшин Исхана.

.....Впервые я увидела дядю Махсуда после намаза. Он вышел из своей комнаты в то время, когда служанки переносили наши вещи из повозки в дом. Увидев меня, всю удручённую от горя, дядюшка подошёл ко мне и подмигнул, улыбнувшись при этом доброжелательно и величественно, как мне тогда показалось.

- Ты и есть та самая Гюль-че-чек, о шалостях и проделках которой так долго со слезами рассказывала мне Хамиз-апа? – спросил дядя.

Мне оставалось лишь кивнуть, поскольку голова моя была занята другим.

- Простите, дядя, я, наверное, совсем негодная девчонка, так как своими идиотскими выходками я доводила бану до слёз. Она, наверное, написала Вам, чтобы Вы ни в коем случае не принимали в своём доме меня.

Я опустила глаза в пол, потому что ждала, что дядюшка Махсуд недовольно хмыкнет и начнёт распекал меня при всех домочадцах за моё прошлое поведение. Я очнулась от горького

смеха, раздававшегося над моей головой и подняла глаза. Дядя Махсуд смеялся, держась за живот, меня заинтересовала его реакция, так как я привыкла к тому, что все взрослые – такие нудные существа и так любят читать нотации по любому поводу.

Он вытер слёзы (в отличие от бану он смеялся до слёз), и это были слёзы веселья и радости, которые я не видела в доме тёти Хамиз. Затем он успокоился и вполне серьёзно обратился ко мне:

- Послушай, Гюль-че-чек, Хамиз-апа – ещё та гусыня, хотя она имеет право быть такой. Но вот, что я скажу тебе, девочка, - с этими словами он поднял вверх указательный палец, - знаешь, что сказал один великий мудрец? «Сила, исходящая от человека, заключается в его естественности». Ты естественна, и этим сильна и прекрасна.

- Кто это сказал, дядя? – спросила я, заинтересованная высказываниями хозяина дома.

- Конфуций. Это был великий и мудрый человек, живший в Китае.

- А он уже умер?

- Да, но он оставил после себя целое учение, философию, которая помогает многим людям познать себя и понять причину своих поступков.

Я помню, с того самого дня мы подружились с дядей, так как с первой встречи он вызвал у меня глубокое уважение умом и неординарностью взглядов. Спустя годы до сих пор перед моими глазами возникает его образ высокого статного человека в белоснежной чалме, аккуратной бородкой с прожилками пробивающейся седины и умными глазами цвета грозовой тучи. Дядя любил шутить, рассказывал всякие забавные истории, случившиеся с ним в жизни, особенно за вечерним чаем, когда в столовую приходила женская половина дома, включая тётю Хуршид, меня и мою кузину Махсу, а также многочисленных служанок, которые обычно занимались своими повседневными делами.

Я любила эти вечерние часы, это спокойное времяпровождение, когда жизнь в доме, да и во всём ауле шла размеренно и неспешно. Чай подавался в больших пиалах на огромном подносе, который могла принести такая грузная женщина, как тётя Азар.

В нашей части Ирана принято добавлять в чай различные пряности: имбирь, корицу, гвоздику; тогда он получается намного ароматнее. Я до сих пор помню, что во время чаепитий в гостиной стоял запах гвоздики такой сильный, что у меня начинало щекокать внос.

Я усаживалась поближе к дядюшке Махсуду, внимательно с интересом слушала то, что он рассказывал. В гостиной раздавался один взрыв хохота за другим и так до самой поздней ночи. Я попивала чай, от души хохотала, строила дикие смешные рожицы своей кузине Махсе и кузину Бехрузу, который казался мне таким забавным с птичьим пером за левым ухом и измазанным глиной носом.

На сон грядущий няня приносила в детскую молоко, как принято в большинстве иранских семей. А на следующий день мы – дети, продолжали играть и беситься. Эти детские забавы были просты и беспечны, но нам нравилось подражать кваканью лягушек в пруду, хлопанью крыльев гусей. Я изображала индюков, которые также с интересом следили за моими движениями, потому что для них это было на самом деле в диковинку. Меня забавляло кудахтанье кур во дворе, а однажды, когда я, Бехруз и сестрица Махса играли в прятки, я спряталась в колодце. Да, я залезла в огромное ведро, за считанное время оно спустилось вниз чуть ли не к самой поверхности воды под тяжестью моего тела.

Нет, нет, я совсем не испугалась тогда, мне просто хотелось подурочиться, наблюдая за тем, с каким старанием ищут меня мои друзья по всему дому. Я слышала, сидя в ведре, как чуть ли не весь аул переполошился из-за моего внезапного «исчезновения». О, что они только себе не придумали! Я убежала в горы и утонула в одной из горных речушек, волки изловили меня, как овцу, и съели; меня унёс злой дух гор.

Инцидент в тот день закончился тем, что, наплакавшись вдоволь, тётюшка Азар решила набрать воды в колодце, чтобы заварить чай.

Сидя в своём «убежище», я улыбнулась тёте своей самой ослепительной улыбкой и помахала ей рукой. Если б тогда своим детским умом я понимала, что подобные действия могли плачевно закончиться для тётушки!

Она потеряла равновесие, схватилась за грудь, чтобы унять сердце, но не упала, а так простояла какое-то время, опёршись о край колодца.

Впоследствии я услышала голоса соседей и бану, раздававшиеся из глубины сада, они приближались поэтому я могла различить слова:

- Азар-апа! Что с вами, Азар-апа!? Скорее сюда! Нужно позвать знахарку Дельшад!

По голосам я поняла, что пришедшие к колодцу склонились над тётушкой Огонь. Я слышала, как она сначала громко выругалась, а затем зарыдала.

- Что с Вами, Азар-апа?

- О, Аллах, покарай эту негодную девчонку! О, шайтан, заведи назад Свою дочь Гюльче-чек! Что за наказание на мою голову! Не дитя, а сущий дьявол!

- Да что же всё-таки случилось? – не унималась бану.

И я самолично стала невольной слушательницей моей проделки с колодцем, поведенной собравшимся тётушкой Азар.

В общем итоге меня ждало очередной наказание. На это раз я должна была облить себя ведром студёной воды из того колодца (а в ауле их было три), где я всё это время пряталась от Бехруза и Махсы, а также меня лишили сладостей.

В детстве я, отнюдь, не была послушным покладистым ребёнком, угождавшим воле старших. Казалось, ещё немного, и от моего присутствия задрожат стены нашего дома, и начнут биться стёкла окон.

Я не сидела в саду с тряпичными куклами, не обсуждала украшения, как того хотела бану Хуршид, и как должна себя вести обычная иранская девочка. Также я не обсуждала приезжих торговцев и их сыновей, которые могли стать моими женихами, как это делала моя кузина Махса со своими подружками.

В то время, как все обычные иранские девочки вели размеренный образ жизни, примеряли новые платья, привезённые из Багдада и Исфахана, я с соседскими мальчишками (а в то время моими самыми закадычными друзьями были именно мальчишки, а не девочки, так как я не выносила их слёзы и капризы) лазила по заборам, воровала айву из сада соседей, стреляла из рогатки по камням.

- Вот подожди же, никто не возьмёт тебя замуж! – пыталась поддеть меня бану.

Но, передёрнув плечами, я равнодушно парировала:

- В мире есть столько много важного и интересного кроме замужества!

- Когда влюбишься, тогда поймёшь, что это не так, - не унималась тётя.

- Я никогда не влюблюсь! – с твёрдостью отвечала я, - не родился ещё тот человек, которому я отдала бы своё сердце!

- Вот неугомонная!

Я, конечно, не понимала тогда, как можно кого-то без памяти полюбить, быть глупой настолько, что потом ещё и служить своему избраннику. Что ещё за напасть! Или я также безрассудна, как эти индюшки во дворе бану!

.....Кроме шалостей и баловства с соседскими мальчишками у меня осталась ещё одна радость, которую я ни на что бы не променяла, тем более ни на какое замужество. И что это только женщины находят в нём замечательного и любой ценой стремятся к нему, даже ценой собственной независимости, ведь замужество по моим личным наблюдениям приносит лишь печаль и тоску, ибо, вступив в брак, большинство иранских женщин начинает быстро стареть. Видно мужья их совсем не щадят, а затем заводят себе других жён, более молодых, более красивых, потому что они ещё не успели износиться от забот.

Поэтому, когда я наблюдала за Махсой, Арзу, Зульфией, Фирузой и другими девочками, утопающих в своих грёзах о семье, мужьях, детях; мне казались они глупыми идиотками.

Ах, да, я писала ещё об одной своей радости в доме дяди Махсуда. Это были сладости. К ним, конечно же, относились те лакомства, которые готовила тётушка Огонь, а также те, которые поставлялись в наш дом из Шираза, Тебриза, Кума и Багдада, а также из самого Стамбула, куда часто по делам ездил дядя Махсуд.

Я любила сладкие глазированные шарики из теста, обжаренные до хруста в большом количестве масла, у меня начинали течь слюнки, когда речь только заходила о рахат-лукуме. И к тому же, из Англии привозили огромные партии шоколада и конфет, причём они были с разными начинками. Очень хорошо помню те дни, когда сладости поступали в наш дом.

Возле нашего сада останавливался караван, состоявший из четырёх-пяти верблюдов, нагруженных мешками. В тот день Бей-Харуз, который продавал нам сладости, стучался в дом, почтительно кланялся дяде и Хуршид. Затем через какое-то время, когда все финансовые дела уже были решены, помощники Бей-Харуза Шахрам и Рамин начинали таскать в дом коробки.

В то время я металась возле каравана со сладостями, как кошка возле молока, и ничто не могло меня отвлечь и оторвать от прибывшего издалека каравана с восточными лакомствами. Помню, они были тщательно упакованы в пакеты и аккуратно сложены в разрисованные картонные коробки. Поэтому, лишая меня сладостей в качестве наказания, бану проявляла тем самым огромную дальновидность, ибо сладости были моим слабым местом, и я могла действительно на какое-то время стать послушным ангелом, лишь бы только получить угощение.

Но всё равно, несмотря на все мои проделки, я чувствовала, что меня любили и слуги, и соседи, и хозяйева дома. Бану надеялась, что, когда я вырасту, моя дерзость, взбалмошность и своенравность исчезнут. Как она заблуждалась!

Напрасно нянюшки и тётушки пытались скрыть от окружающих мою взбалмошность. Особенно это касалось тех, кто впервые приезжал в Исхан по делам или просто отдохнуть от городской суеты у знакомых или родственников.

Бедняги, они боялись, а что если моя своенравность станет такой явной, что это заставит людей плести всякие небылицы, дескать, в ауле Исхан страдает воспитание девиц, и из-за этого они такие неугомонные.

Согласно исламу девушка должна быть скромной, знать своё место, говорить, когда позволено и молчать в остальное время. Также по нашим традициям женщина, чтобы подцепить удачного жениха, должна быть здоровой, хороша собой, уметь принимать гостей, красиво и плавно двигаться и к тому же уметь вести хозяйство, заниматься каким-нибудь «престижным ремеслом», знать наши законы и традиции, никогда не перечить будущему мужу вообще, а в частности боготворить всех мужчин. Но самое главное – мусульманская женщина должна носить чадру и чтить Аллаха и Пророка Его Мухамеда, соблюдать все религиозные праздники.

К «престижным ремёслам», конечно же, относилось, прежде всего, ковроткачество, шитьё бисером, вообще, любой вид женского рукоделия. Этому, а также манерам и Корану обучали в специальных школах, откуда выпускницы выходили готовыми по «единому образцу» невестами.

Что касалось меня, то во мне едва набиралась и половина тех качеств, которых требовали традиции, поэтому опекавшие меня тётушки просто очень боялись, что я не пройду подобный «кастинг» и так на всю жизнь и останусь «старой девой». О, как они были не правы, учитывая лишь традиции, но совсем не беря во внимание огонь моих глаз, темперамент и незаурядный ум. Кстати, последнее качество девушке было иметь необязательно, достаточно быть милой и приятной в обществе. Ну, или тщательно скрывать свой ум, чтобы твой будущий избранник, не допусти Аллах, не понял, что ты отличаешься от своих дурёх подруг.

Что касалось Махсы, Мехри, Дельшад и Зейнаб, то они легко поддавались воспитанию. Из них можно было вылепить всё, что угодно, подобно тому, как гончар лепит из глины любые

сосуды, потому что в этих девочках не было природного стержня. И они никогда не знали, что значит быть «самой собой».....

.....Ах, да, я временами страдаю быстротой мышления, просто на ум приходят разные эпизоды из моей жизни, но я совсем забыла рассказать о нашем доме. О, это был большой просторный двухэтажный дом со множеством комнат, каждая из которых была устлана морем подушек и узорчатых пуфиков. На стенах висели ковры с цветочными мотивами, присланные из Исфахана. Дело в том, что ислам запрещает вывешивать картины, а особенно портреты людей. Я даже представить себе не могла, если бы в доме висели чьи-то портреты, мне было бы жутковато находиться в комнатах с портретами, потому что я бы не смогла отделаться от ощущения, что кто-то посторонний смотрит на тебя, наблюдает за тобой.

Кое-какие ковры были сделаны руками наших служанок. Первый этаж дома, в основном, предназначался для слуг, здесь также располагалась гостиная для чаепитий и вечерних посиделок всей семьи, где обсуждался разнообразный круг вопросов по поводу поездок дяди Махсуда или празднования Ашура.

Я также очень любила огромные вазы, которые были «натыканы» то тут, то там для украшения интерьера. Они были таких больших размеров, что достигали от пола до макушки моей головы. Я частенько останавливалась и с интересом разглядывала то, что было изображено на вазах. Обычно это были цветочные орнаменты в ярких красках, но, помню, на одной из таких ваз я увидела пейзаж. Да, это было море. Кроме того необычность его заключалась в том, что море было запечатлено на фоне заката с большим ярко-розовым диском Солнца. Я, как заворожённая, смотрела на этот розовый круг, будто хотела слиться с ним сама.

Однажды я спросила тётушку Огонь, откуда в доме такая необычная ваза. Тётушка ответила, что вазу сделал один неизвестный багдадский гончар, а расписал художник, в которого в молодости тайно была влюблена она. Я заговорщически улыбнулась тётушке и прошептала ей на ухо:

- Тётя Азар, поведайте мне Вашу историю.

Помню, тётушка покраснела наподобие спелой черешни, но тут же взяла себя в руки и нахмурилась:

- Гюль-че-чек! Не пристало девочке так говорить!

Но через минуту черты её лица смягчились, тётя улыбнулась и, понизив голос, сказала:

- Это – моя тайна, и никто не должен её узнать.

- А я никому и не скажу, - подыграла я тётушке, - клянусь Аллахом, не скажу. Уверяю Вас, Ваша тайна уйдёт вместе со мной в могилу.

Тётя погрозила мне:

- Он иногда присылает мне подарки из Тебриза.

- Так он живёт в Тебризе? – спросила я.

- Ай-ай-ай, Нежный Цветочек! Смотри, я всё расскажу бану! Да, он родом из Тебриза.

На втором этаже среди комнат тёти и дяди в проходе стояла ещё одна ваза, куда я украдкой бросала косточки от фиников, если мне не хотелось спускаться вниз.

О, Аллах! Что же случилось в тот день, когда моё «тайное место», было, наконец, обнаружено Фатимой – одной из служанок во время очередной уборки. Она застала меня прямо на месте преступления. Я кисло улыбнулась, памятуя лишь о том, что на этот раз наказания мне никак не избежать.

Так и есть, Фатьма подняла дикий ор, так что слуги сбежались со сего дома, а у меня было единственное желание – чем-нибудь заткнуть ей неугомонный рот. Но, увы, под руками ничего подходящего, как всегда, не оказалось.

Бану пришла последней и, уперев руки в бока, слушала мои идиотские объяснения.

- Простите, тётушка, это, вообще-то Махса...., - с простодушным видом солгала я.

Тётя Хуршид округлила глаза, она совсем не ожидала, что в истории замешана её дочь. На самом деле моя кузина была здесь совершенно не при чём. Просто она меня так сильно раздражала тем, что не имела своего мнения и, как неживая, впитывала всё то, что ей навязывали эти высокомерные кумушки из нашего аула. Они ненавидели меня, потому что я не была глиной в их руках, из которой они лепили бы всё, что угодно.

- Махса? – удивилась бану.

- Она первой заприметила этот кувшин, и с того времени мы с ней по очереди используем его в качестве пристанища для косточек.

В итоге мы были лишены сладостей и вечерней игры в нарды. В отличие от меня Махса прорыдала весь вечер и всю ночь, как нюня.

Мне не привыкать, я мужественно перенесла наказание. Подумаешь, сладости и нарды! Как будто только в них смысл жизни.

О, Аллах, сколько ещё я устраивала подобных проделок с Махсой! Я знала, что она боится мышей, потому что порядочная девушка непременно должна страшиться этих тварей, казавшимися мне вполне даже симпатичными. И что же! В нашем чулане я изловила мышь (они охотились за пахтой и сыром), привязала к её хвосту приличных размеров колокольчик. Ночью тихонько, прокравшись в спальню к сестре, я подбросила «сюрприз» прямо на её подушку в то время, как сама Махса уже давно витала в своих заоблачных снах, мечтая о свалившихся на её голову женихах. О, Аллах, как можно думать о такой ерунде!

Выбежав из спальни Махсы, я предусмотрительно закрыла уши, так как через минуту оттуда донёсся душераздирающий крик. Как всегда, на ор кухни сбежалась женская половина дома во главе с бану. Бехруз также путался под ногами, ему было интересно узнать, что происходит.

Мне же оставалось безупречно сыграть свою роль растревоженной индюшки, что не составило особого труда. Вместе с остальными служанками я вбежала в спальню Махсы и воскликнула:

- Что случилось? («Не хватает ещё закудахтать», - подумала я.).

- Мышь! Мышь! – продолжала, как резанная вопить Махса, будто речь шла не о маленьком беззащитном зверьке, а об огромном зубастом и клыкастом чудовище.

Я, конечно же, сделала простодушное личико, как дурочка, заморгала ресницами:

- Мышь? Где же она, Махса?

- Да вот! Вот же! – кузина указала на пол рядом с её кроватью.

- Но я ничего не вижу. Вы видите? – обратилась я к тётушкам.

Естественно они ничего не видели, потому что мышь уже была под кроватью, раздавался лишь слабый писк и звон колокольчика. Я наслаждалась тем, как здорово я их всех одурачила. Только одна бану недоверчиво посмотрела на меня, предусмотрительно нахмутив брови. Но с бану вообще всё было по-другому в отличие от остальных, веривших в мою безупречность и воспринимающих всё за «чистую монету».

Пришлось позвать дядю Армана – нашего садовника. Он заполз под кровать и через несколько секунд вытащил оттуда серое существо с привязанными к его хвосту колокольчиком. Тётя бросила на меня косой взгляд:

- Гюль-че-чек! Опять твои проделки – негодная девчонка! Не дитя, а исчадие ада! О, Аллах, зачем ты забрал мою сестру и оставил мне это порождение шайтанов!

Короче говоря, мне пришлось вновь вылить на себя ведро колодезной воды в наказание. Однажды шалости мои не знали своих границ, и тётя Хуршид воскликнула в сердцах:

- Нужно скорее выдать замуж эту дикарку Гюль-че-чек, иначе на заклюёт моего бедного птенчика, моё воплощение чистоты, скромности и добродетели Махсу.

Мне бы тоже хотелось заслужить подобное «звание», но для этого мне пришлось бы притворяться и корчить из себя эдакую недалёкую высокомерную армянскую невесту. Ну уж нет! Ни за что!

Мне так не хотелось выходить замуж и замуравывать себя в четырёх стенах в угоду мужу, что я обняла Махсу и поцеловала бану:

- Пусть Аллах станет мне свидетелем, этого больше никогда не повторится, только не выдавайте меня замуж!

Тётя снисходительно улыbnулась, поняв, что, наконец-то, нашла моё слабое место. Конечно, шалости мои на том вовсе не кончились, просто проделки были более невинными и менее злостными. Хвала Аллаху, что у Хуршид хватило терпения их выносить. Наверное, она действительно любила меня.....

.....Через год меня отдали в женскую школу в Тегеране, и теперь у Махсы появилась возможность реже видаться со мной, так как я приезжала лишь на каникулы. Саму же кузину решили отдать в обучение в Тебриз, где у неё жили какие-то родственники. Сдаётся мне, таким образом тётушка просто хотела разъединить нас, чтобы я больше не изводила её «бедного птенчика».

- Гюль-че-чек! Нежный Цветочек! Что там опять случилось?

Стоя в чулане над осколками разбившегося вдребезги горшка с творожной массой, я слышала громкий голос тёти Азар и размышляла над тем, как скрыть от неё свой проступок. Времени, как всегда, оставалось в обрез, а творог уже успел смешаться с пылью и выглядел не очень-то привлекательно, хотя я любила угощения из него и частенько таскала из чулана понемногу, чтоб затем доесть остатки в саду. Действительно, у нас он был отменным, тем более молочник Мехран-абу всегда вовремя доставлял парное молоко. Даже соседки нередко разок-другой захаживали к бану, чтобы лишний раз насладиться «вкусом свежего творожка».

- Гюль-че-чек! Что случилось?!

Сердце моё забилося, мне было стыдно за то, что тётя Огонь поймёт, наконец, кто регулярно ворует «белое лакомство», но было уже слишком поздно. Что ж, тем хуже для меня; придётся во всём сознаваться, чтобы не получить очередной нагоняй.

Вот дверь чулана раскрылась, и на пороге возникла грузная фигура Азар-апы. Я уже было приготовилась к мощному потоку её ругательств, однако к моему искреннему удивлению Азар даже не посмотрела на пол, где были явные следы моего «преступления». Её чёрные орлиные глаза выражали бесконечную нежность. Взяв за руку, она осторожно потянула меня к выходу.

- Что случилось, тётя? – испуганно спросила я, мне было страшно, что разбившийся горшок будет вот-вот обнаружен.

- Пойдём в дом, Гюль-че-чек. Один уважаемый господин с сыном приехал на твои смотрины. Ты должна угодить гостю, и тогда твоя дальнейшая жизнь станет раем на Земле.

«Глава 2

«Летающие небеса»

*«Красота небес завораживает,
Но не поддавайся искушению
Улететь и раствориться в них,
Ибо у тебя нет крыльев.....».*
(Неизвестный)

.....Когда мне исполнилось восемь, меня отдали в частный медресе бану Паниз, который находился в самом Тегеране. Подобных медресе во всём Тегеране было несколько, часть из них были женскими, часть – мужскими. Они организовывались, как правило, по инициативе предприимчивых жителей города, чтивших традиции ислама. Я знала, что в медресе, предна-

значавшиеся для мальчиков, обучали науке, торговле, этикету, а также в некоторых – боевым искусствам, ибо наш шах периодически объявлял набор в армию, чтобы защитить границы государства.

В женских медресе обычно учили чтению Корана, арабскому языку, ведению домашнего хозяйства, ковроткачеству. В некоторых медресе, пользующихся хорошей репутацией, девочек учили иностранным языкам, хорошим манерам, танцам. Обычно в таких медресе обучались девочки из продвинутых семей, дочери приближённых шаху или дети тех, кто входил в межд-лис.

Хвала Аллаху, дядюшка Махсуд отдал меня именно в такую школу, хотя плата за обучение там была намного выше, чем в обычных медресе. Шанс стать образованной иранской девушкой после окончания подобного медресе был больше по сравнению с традиционным, где выпускница могла претендовать лишь на роль хозяйки многочисленного семейства.

Возможно, дядюшка хотел действительно дать мне достойное воспитание. Несмотря на то, что бану Хуршид-апа настойчиво пыталась отговорить его, чтобы он не совершал такой опрометчивой ошибки.

- О, Аллах, если весь Тегеран вскоре узнает о взбалмошности нашей Гюль-че-чек! – пыталась вразумить дядюшку бану, - Стыд-то какой! Да я до конца своей жизни не смогу поднять головы и посмотреть в глаза праведных мусульман.

Однако дядюшка был совершенно непреклонен и твёрд в своём решении.

- Зачем Вам поднимать Ваши глаза, Вы и так не видите дальше собственного носа, - отмахивался дядя, - у девочки хорошие многообещающие задатки, она не только красива, как Луна на небе, но и умна, подобно святой Фатьме.

Мне естественно было приятно узнать, что дядюшка Махсуд считает меня такой, потому что тётушки считали меня исчадием ада.

...Махса должна была поступить в школу для девочек лишь через год, но это была уже другая школа, которая в отличие от моей находилась в Исфахане, где жили близкие родственники бану. Наверное, тётушка просто не хотела, чтобы мы оказались в одних стенах, боясь, что я вновь начну обижать кузину. Я помню, был канун Навруза, во дворе располагались огромные котлы, в которых готовился плов. Пахло сухими ягодами барбариса, и этот аромат распространился повсюду.

Служанки мешали плов; дядя Арман время от времени подбрасывал свежие дрова, отчего костры разгорались ещё сильнее.

Я люблю новогодний плов, возможно, потому что его готовили с добрыми мыслями, ибо все верили в то, что Навруз символизирует собой переход, который должен совершаться со светлыми добрыми мыслями, с надеждами на будущее, с мечтами, которые рано или поздно должны осуществиться. В этот день запрещалось грустить, злиться. Наверное, из-за этого плов получался очень вкусным и аппетитным.

На поляне жители Исхана, усевшись поудобнее, слушали, как Хасан-джан декламировал стихи, посвящённые Наврузу, иногда это были выдержки из Корана. Я тоже невольно прислушалась к печально-певучему голосу Хасана. В белом халате и чалме он напоминал доброго джина.

**«....Словно Солнце небесных высот,
Сиял повелитель прославленный тот.
Сходилась народ на его торжество,
Дивился величию царя своего.
Джамшида, осыпав алмазным дождём,
Назвали тот радостный день
Новым Днём.**

**То день был Ормазд,
Месяц был Фарварддин.
Забыв о заботах, не помня кручин,
Под говор струны за ковшами вина вся знать пиновала, надеждой полна.
И люди тот праздник святой сберегли,
Как память о древних владыках земли....»**

Однако несмотря на красоту слов и песни, в целом, я сновала от одного котла с готовящимся пловом к другому. Будто кошка, охотящаяся за сметаной, я мечтала тогда лишь об одном – стащить хоть немного плова. Но служанки на этот раз были слишком зорки и предусмотрительны, памятуя о моих прошлых шалостях. Поэтому мне приходилось изощряться, чтобы, наконец, разорвать их стену и проникнуть ближе к угощению, на первый взгляд казавшимся таким недоступным.

Но несмотря на бдительность тётушек, мне всё же удалось немного полакомиться пловом, угрызений совести к укору и удивлению тётушек я совсем не почувствовала. Единственное, о чём я тогда жалела – это о том, что «порция» была слишком маленькой, а во второй раз урвать ещё немного, пока плов готовится, мне не удастся. Именно в тот самый момент, когда я достала остатки ароматного блюда, ко мне подошла няня Амина. Няни я, естественно, не боялась, но ведь её могла послать за мною бану для очередного нагоняя.

- Гюль-че-чек, - сказала няня.

- Да, Амина-апа.

- Тебя зовёт бану.

Всё, как и я предполагала. Я огляделась по сторонам в поисках укромного местечка, где бы я могла отсидеться, пока гнев Хуршид не утихнет.

- Няня, а можно спрятаться? Ты мне поможешь?

Она грустно покачала головой.

- На этот раз нет. У бану к тебе серьёзный разговор, и мне велено тебя отвести к ней.

Ну, вот я попалась! Как жаль, что Навруз пройдёт без сладкого. Втянув шею, я понуро поплелась в дом под презрительные взгляды тётушек и Махсы. Они злорадствовали, а я подумала в тот момент: «Подождите, вот вырасту и сбегу от вас, и тогда не найдёт меня».

Конечно, сейчас я понимаю, что это были мысли наивного ребёнка избалованного и своевольного. Но что я могла поделать со своей натурой?

В доме было темно, хотя тётушку, сидевшую в окружении многочисленных подушек и перебирающей чётки, я смогла разглядеть.

На ней был красивый нарядный жёлтый халат из атласа, который тётя так берегла и который предназначался как раз для Навруза. Чёрные, как смоль, волосы были заплетены в две толстые косы, на голове красовалась тубетейка, расшитая жемчугом, как и халат. За год бану ещё больше располнела, но несмотря на это, её лицо было довольно красивым и не потеряло свежести молодости.

Дядюшка чуть в стороне за перегородкой курил кальян, иногда бану тоже прикладывалась к кальяну, когда в окружении подруг и местных кумушек они все вместе были заняты сплетнями.

Ох, как бы мне тоже хотелось приложиться разок-другой к кальяну и ощутить, что испытывают взрослые. Уверена, недотроге-Махсе даже в голову не приходили такие мысли, ведь она была труслива, как кролик. Наверное, в тот момент у меня было настолько задумчивое и отрешённое лицо, что тётушке Хуршид пришлось привлечь моё внимание. Она поманила меня пальцем, подзвав к себе.

Я поняла, что должна сделать шаг навстречу своему наказанию после проделок с пловом. Однако с вызовом посмотрев в лицо бану, чтобы с достоинством встретить свою участь, я

поняла, что тот, кто хочет наказать, не будет смотреть так на виновного. Это заинтересовало меня, и я с любопытством разглядывала тётнины глаза.

- Гюль-че-чек, - произнесла чуть слышно тётушка, - чтобы не отвлекать внимание дяди Махсуда, - Нежный Цветочек, подойди ближе ко мне.

Я подошла.

Тётя отложила в сторону свои чётки.

- Ты знаешь, для чего я позвала тебя сюда, Гюль-че-чек? – спросила бану.

- Нет, тётя, - уклончиво ответила я. Версия с пловом ещё не до конца отпала.

- Сегодня пришёл ответ от г-жи Паниз из Тегерана. Она приглашает тебя в свою школу, где ты будешь изучать науки, языки и коврикатчество. Я думаю, твои родители были бы довольны выбором. У г-жи Паниз прекрасное медресе. Там проходили обучение дети приближённых шаха Мозафереддина. Мы с дядей решили, ты должна получить хорошее образование, чтобы затем выйти замуж. Это – мой последний долг моей сестре – твоей матери.

Известие о школе озадачило меня, а про своё будущее замужество я и слышать вообще не хотела.

- Что ты скажешь, дочка?

- Я не знаю.

Я действительно не знала, что мне ответить. И тут я услышала голос дядюшки:

- Что ты хочешь от бедной девочки? Она не готова к такому известию, а ты её взяла и огорошила. Дай ей время.

Шторы в виде многочисленных бусин из стекла колыхнулись, и дядя Махсуд вышел из небольшой ниши, где как раз находился кальян. Он так же, как и тётя, был одет во всё праздничное, как и полагалось при встрече Навруза. Дядя приблизился ко мне, взял меня за руку и крепко сжал, будто желая передать мне всю свою силу.

- Послушай, дочка, ты иди к себе, отдохни и всё обдумай, а завтра мы поговорим о твоём решении, - сказал дядя.

- Дядя, к чему вам знать моё мнение. Разве оно имеет теперь какое-то значение? Ведь решение уже давно принято, - я смахнула накотившуюся на глаза слезу и убежала в свою комнату.

Открыв старую шкатулку, я извлекла из неё перстень с голубым алмазом, подаренный мамой. Мне на какой-то короткий миг показалось, как и в прошлый раз, когда я впервые разглядывала перстень, что из его глубины брызнула голубая светящаяся неземными флюидами волна.

От неё сияние распространялось целиком на весь алмаз, и камень стал похож на крохотное озеро, в котором переливались все цвета радуги. Я залюбовалась подобной красотой, застыв, как изваяние. Голубой алмаз завораживал меня своим необычным светом.

- Если ты полюбишь, Гюль-че-чек, и вы действительно созданы друг для друга, этот перстень окутает вас своей защитной аурой, и так вы пронесёте свою любовь через всю жизнь, - вспомнила я слова матери.

В тот миг эти воспоминания повергли меня в настоящее отчаяние. О, Аллах, как мне хотелось вернуться назад в своё прошлое, в тот маленький домик на улице Торговцев, где прошло моё ранее беззаботное детство, в те времена, когда были живы мои родители! Мне казалось, это было слишком давно....

....Словом, Навруз прошёл в тот год грустно для меня. Праздник был омрачён осознанием того, что я вновь уеду из этого места, к которому уже успела прикипеть.

Я видела, как радовались девочки вместе с Махсой и Бехрузом, играя в догонялки; как бану и дядюшка угощали соседей гуджой. Я слышала радостное: «Навруз байраминиз мубарек олсун!» («С праздником Навруз!»). Чуть ли не на весь Исхан отголоском на это раздавалось: «Сизинле беле!» («И вас так же!»).

Нет, в отличие от остальных мне было совсем не радостно на душе, и сердце моё совсем не ликовало в отличие от празднования прошлых Наврузов, когда я вела себя, как беззаботная шаловливая девчонка.

Я сидела в сторонке, делая вид, что просто наблюдаю за окружающими, во всяком случае, со стороны это выглядело именно так. Надо сказать, конечно, такое моё поведение повергло в крайнее изумление тётушек. Они с интересом наблюдали за мной, вероятно, размышляя над тем, «выкину» ли я что-нибудь эдакое или нет. Думаю, они даже поспорили между собой, хотя меня абсолютно это не волновало. Наверное, Махса со своими подружками предполагала, что я наказана за плов, и мне запретили играть с другими детьми.

Я отвернулась, мысленно послав всех к шайтану. Няня Амина подошла ко мне и протянула кусочек сумаяка.

- Угощайся, Гюль-че-чек, - сказала няня.

В другие времена я с удовольствием набросилась бы на сумаяк, «умяв» хорошие два куса и с успехом поохотившись за третьим. Но сейчас я безразлично взглянула на лакомство, не взяв его:

- Спасибо, няня. Что-то не хочется.

- Гюль-че-чек, насколько я знаю, ты всегда отличалась отменным аппетитом.

Я пожала плечами:

- Не знаю, няня, не хочется.

Помню, Амина-апа присела возле меня и попросила поведать, что меня так беспокоит. Всё же, я попробовала сумаяк и рассказала доброй женщине о предстоявшей поездке в мед-ресе г-жи Паниз. Няня терпеливо выслушала меня, несмотря на то, что к нам время от времени подходили люди, чтобы поздравить со счастливым наврузом. Пожелать здоровья и хорошей жизни и то, что обычно полагается желать в такой знаменательный для всех правоверных мусульман день. Приходилось тоже поздравлять в ответ.

Но тем не менее, рассказ мой был завершён в тот момент, когда я, наконец, доела остатки сладкого сумаяка. Только лишь к вечеру у меня разыгрался аппетит, и я пожелала съесть добрую чашку плова и гуджи. По нашим обычаям гуджа – это традиционное блюдо, которое готовится в канун Навруза исключительно мужчинами.

Возле дома вечером обычно по распоряжению дядюшки Махсуда разводился огонь, на который ставился огромный котёл. По размерам он, конечно же, больше, чем тот для плова именно потому, что, всё же, гуджа считается главнее плова. В котёл засыпается большое количество пшеницы и мяса, и всё это сильно разваривается. Но аромат стоит по всему Исхану и даже за его пределами, ведь гуджу могут пробовать все желающие.

Пшеница всегда ассоциировалась с прибылью, богатством, хорошей сытой жизнью. Поэтому она кроме отменного вкуса имела ещё и символический «вкус». Я помню, в тот год получилась особенно ароматная гуджа. Поэтому, наевшись досыта и забыв обо всех своих переживаниях, я уснула в тот вечер. Причём на удивление сон мой был спокоен и безмятежен. Возможно, так действовала на меня энергия перстня с голубым алмазом, который я решила не снимать до утра.

Утром вся сладость моего сна была прервана. Меня разбудила няня-апа. Смутно сквозь сон я с трудом смогла рассмотреть едва расплывавшиеся черты её лица. На ней был платок и шерстяной халат.

- Пора, Гюль-че-чек, - также сквозь мой сон проговорила няня-апа, - Одевайся, нужно ехать.

«Где я? Что со мной?» - хотелось спросить мне, потому что после сна я не до конца осознавала ни то, что происходило со мной, ни то, что окружало меня. Я вспомнила, что сон был мрачнее тучи, тягостным и каким-то далёким. Мне снилась мама. Она была в белом платье

с распущенными волосами, струившимися наподобие чёрной реки по её плечам. Я плакала, а мама долго обнимала меня.

Не плачь, не плачь, Гюль-че-чек, - утешала меня моя бедная мама.

Её глаза блестели от слёз.

Гль-че-чек, помни о силе голубого алмаза. Твоя жизнь не будет лёгкой, но алмаз защитит тебя, поможет найти любовь и счастье. Помни об этом, Гюль-че-чек.

Помни об этом....Помни.....

«Но я не хочу боли и горя от одиночества!» - хотелось мне закричать.

Однако я сама не заметила, что проснулась.

Нужно ехать, - слова няни спустили меня с небес на землю.

Как сквозь сон я помню, что наспех оделась, поела, практически не испытывая никакого интереса к еде. Потом мне предстояло подняться к бану в её комнату, где она уже ждала меня, чтобы благословить и сказать последнее напутственное слово. Я поклонилась тётушке.

Подойди, Гю-че-чек, - тётя обняла меня и внимательно посмотрела на меня, - Гюль-че-чек, Нежный Цветочек, ты хорошо себя чувствуешь? - спросила бану, проводя рукой по моему влажному лбу.

Я....я плохо спала.

Я видела, как тётя Хуршид улыбнулась:

Г-жа Паниз уже ждёт тебя в своём медресе. Не беспокойся, Гюль-че-чек, она довольно приятная женщина, пользующаяся уважением во всём Тегеране. Ты там очень скоро привыкнешь и подружишься с остальными девочками. Ты меня поняла, Гюль-че-чек?

Поняла, тётя, - оставалось мне ответить.

Я совсем не представляла себе, что ждёт меня, и будет ли благословен мой путь. Но я точно знала, что после моего отъезда дом опустеет, Махса, наконец, избавится от моих проделок, а соседские мальчишки, с которыми я частенько проказничала, будут жутко тосковать. Но я точно знала, что дом бану со временем станет для меня чужим.....

....Как сквозь сон помню, что села в повозку, няня принесла мой узелок. Напоследок мы обнялись с ней, и я не хотела, чтобы наступил конец этим объятиям.

- Приезжай ко мне хоть иногда, - в слезах произнесла я, обратившись к нянюшке.

Но всё когда-нибудь заканчивается и даже тёплые минуты, проведённые с няней. Помню, я открыла побольше шторку, чтобы видеть няню, а кучер Мехран-абу хлестнул лошадь. Повозка тронулась вперёд навстречу неизвестности.....

.....Прошло чуть ли не полдня по моим ощущениям, когда Мехран-абу остановил повозку. Когда мы ехали по разношёрстным улочкам Тегерана, я вновь чуть-чуть приоткрыла шторку повозки, и глаза мои разбежались от всего того многообразия, которое я увидела.

Какие-то высокомерные господа в чалмах и нарядных халатах спешили на базар, чтобы купить пряности или фрукты. А нарядными они были из-за того, что празднование Навруза ещё не окончилось. У большинства были ухоженные бороды: седые и длинные у тех, кто считал себя ближе к Аллаху, чёрные, коротко подстриженные или выбритые под клин у более молодых господ. Мужчины в Иране очень ценят свои бороды, считающиеся признаком мудрости, хотя я долго не могла понять, какая тут связь.

Женщины в длинных чадрах, чаршафах в шёлковых штанах из-за праздника следовали по улочкам в сопровождении либо слуг, либо пожилых дам, шедших по пятам за молоденькими девушками. Последние хохотали и с шутками старались сбежать от всевидящих старух, в чью задачу входило слежение, и, конечно же, пресечение шалостей, а тем более пытливые взгляды и флирт с молодыми парнями. Я с интересом наблюдала за девушками, и меня так и подмывало устроить очередную шалость, помочь этим девушкам удрать от своих соглядатаев. В моей голове уже рисовался план действий, когда повозка завернула за угол и поехала вдоль

довольно узкой улочки. Я вспомнила, что нахожусь в повозке и еду в медресе г-жи Паниз. Мне стало так грустно, и я мысленно позавидовала тем девушкам.

Встречались также отдельные повозки и экипажи, видно было, что в экипажах сидели богатые господа, приближённые шаха.

А однажды я даже видела, как два просто одетых человека несли богато отделанные носилки. В окошечко выглядывала какая-то очень красивая женщина в дорогих украшениях. Нижняя часть лица её была наполовину скрыта небольшим изящным куском материи из тонкого газа с золотыми цветами.

Когда носилки оказались позади нашей повозки, я посмотрела вслед. Затем крикнула Мехрану-абе:

- Эй, кто это!

Кажется, Мехран-абу даже смутился, услышав мой вопрос, затем нахмурился и что-то буркнул.

- Так кто же это? – не унималась я.

- Она дурная женщина, г-жа Гюль-че-чек, не смотрите туда, а то бану выговорит мне, что я не уследил за Вами.

- А Вы не говорите бану об этом.

- И всё равно, г-жа, не смотрите туда. Она – дурная женщина.

Я пожалала плечами. Прекрасная незнакомка мне действительно понравилась. Она была очень красива, как джинния. «Были бы у меня такие же глаза и такие же дуги бровей, – подумала я, – все прощали бы мои шалости». Считалось, если у девушки чёрные, как ночь, глаза и смуглая кожа, она признавалась «луноликой» красавицей. Я совсем не подходила под это определение: дело в том, что кожа моего лица была светлее, чем обычно. А цвет моих глаз был серо-голубым. Все удивлялись, откуда у меня такие глаза, ведь у моих родителей они были тёмно-карими, как густо заваренный кофе. Махса особенно гордилась тем, что цвет её кожи был смуглее и темнее, чем у остальных девочек.

На это я высовывала язык, корча причудливую гримасу и гордо отвечала:

- Махса, как же ты можешь быть луноликой, если твоя кожа тёмная, а луна нежная и белая, словно молоко?

Помню, Махсу жутко раздражали мои слова, ведь её имя означало «луна». Как всегда, она бежала жаловаться бану:

- Мама, мама, а Гюль-че-чек меня обзывает, – лепетала ябеда, известная на весь Ишхан.

- Гюль-че-чек! Несносная девчонка! Долго ты ещё будешь испытывать мои нервы! Зачем ты обижаешь Махсу?

Помню, я делала беззаботное лицо, широко раскрывала свои серо-голубые глаза, так что они напоминали плошки и как бы ни в чём не бывало говорила бану:

- Что Вы, тётушка! Я обижаю Махсу? Да как же можно обидеть это такое нежное создание? Для этого нужно не иметь сердца.

Махса вытирала лившиеся ручьём из её глаз слёзы и ещё сильнее распалялась:

- Не верьте ей, мама! Это у неё нет сердца! Это Гюль-че-чек меня обзывала!

- Как же она тебя обзывала?

- Она...она говорила, что я уродина, – ревела Махса.

А меня в ответ на эту ложь так и подмывало её стукнуть Гневное лицо бану было обращено ко мне.

- Это правда, Гюль-че-чек!

- Сестрица лжёт, бану. Я так совсем не говорила, – приходилось оправдываться мне.

- Кому же теперь верить?

Помню, в таких спорных вопросах бану очень часто прибегала к помощи дядюшки, служившим неким арбитром. И, конечно же, дядюшка Махсуд был всегда на моей стороне, потому

что у нас с ним была взаимная симпатия друг к другу. Помню, Махса ужасно злилась, и часто ей приходилось ретироваться, поджав губы.

...Мехран-абу помог мне сойти на землю, я огляделась по сторонам. Медресе г-жи Паниз находилось за железной оградой и состояло всего из трёх зданий абсолютно белых, как горный снег. Одно из них представляло собой мечеть, где регулярно дважды в день совершались намазы. Второе предназначалось для приёма пищи. А третье было двойным, разделённым длинным проходом. Собственно именно в этом третьем и располагались учебные помещения и комнаты, где жили девочки. Действительно, дядя Махсуд не прогадал, медресе г-жи Паниз отличалось респектабельностью и изяществом. Нас встретила одна пожилая женщина в светлом чаршафе. Увидев меня, она улыбнулась мне довольно приветливой улыбкой, и чем-то напомнила мне мою нянюшку Амину. Она подошла ко мне и представилась:

Меня зовут Зульфия. Видно, ты приехала издалека. Как твоё имя?

Гюль-че-чек, - ответила я.

А ты откуда, Гюль-че-чек?

Из аула Исхан, но близкие называют меня Нежный Цветок.

У тебя красивое имя, Гюль-че-чек, - сказала Зульфия-апа.

Но бану Хуршид устала от моих шалостей, поэтому и спровадила в медресе, чтобы я была подальше от кухни.

Я увидела ровный ряд зубов, несмотря на возраст, пожилой женщины. Она широко улыбнулась мне.

Вот как, Гюль-че-чек! А где же твои родители, дитя?

Они...они предстали перед Аллахом, г-жа Зульфия-джан.

Я слышала, как Зульфия-апа пробормотала:

Бедная девочка. Да благословит тебя Аллах, дитя.

Мне нужно видеть г-жу Паниз, чтобы передать ей письмо бану.

Идём, я провожу тебя к ней.

Зульфия-апа дала указания кучеру, чтобы он перенёс мои вещи.

Г-жа Паниз оказалась довольно солидной дамой в летах и строгим взглядом тёмно-карих, как свежий кофе, глаз. Её кабинет располагался на втором этаже того самого здания, где находились учебные комнаты. Когда дверь за мной закрылась, я увидела г-жу начальницу медресе сидевшей за столом и писавшей какие-то бумаги. Она совсем не обратила на меня внимания, увлечённая своей работой, так что у меня было время, чтобы осмотреться.

Кабинет был очень просторным, светлым. На стене позади стола г-жи директрисы я увидела большое панно, на котором изображались какие-то незнакомые мне дикийвинные цветы совершенно разных оттенков мыслимых и немыслимых.

Я полюбовалась этим разнообразием, в силу своего возраста мне нравилось всё яркое, броское, что может привлечь внимание. На столе стояла изящная керосиновая лампа и подсвечник с уже наполовину оплывшими свечами. Тут же лежали чётки, к которым г-жа директриса периодически притрагивалась, дабы успокоиться.

Кажется, чётки были изготовлены из чистой бирюзы, и я сразу оценила их редкость и дороговизну. Таких чёток я ещё ни у кого раньше не видела. Мои чётки были изготовлены из дерева и покрыты слоем лака. Помню, мне подарила их мама, когда мне исполнилось пять лет.

Аллах слышит детские сердца, - произнесла в тот день мама, вручая мне чётки, - Гюль-че-чек, запомни, у каждого правоверного, исповедующего ислам, должны быть свои чётки. Сохрани их.

Для чего нужны чётки? - спросила я.

Мама в ответ улыбнулась и погладила меня по голове.

Каждая бусина твоих чёток напоминает тебе о том, что тебе нужно воздать хвалу Всевышнему, быть смиренной и сострадательной к людям.

Но чтобы быть такой, разве обязательно держать в руках чётки? - спросила я.

Порой мои вопросы нарушали ход её мыслей, вводили в заблуждение, сбивали с толку. Но мама не злилась на меня, пытаясь найти нужные слова, чтобы я своим детским умом поняла смысл установленных кем-то порядков. Но несмотря на это, многое так и оставалось за рамками моего понимания.

На правой стене кабинета я увидела огромный шкаф, разделённый на многочисленные полки. О, Аллах, сколько же здесь было книг! Такого количества я даже не могла себе вообразить. Я, конечно же, тогда почти не умела читать, однако предположила, что большинство из них было на арабском языке и обязательно Коран. Книги доходили практически чуть ли не до самого потолка, и я также предположила, что потребуется лестница, чтобы взять самые верхние. Однако никакой лестницы не было.

Зато я заметила на столе директрисы огромный красный цветок, росший в большом горшке. Если бы не этот горшок, я была бы готова поспорить, что цветок был огненным, до того ярким был его цвет, словно «сияющее пламя» пророка Мохаммеда, которое он разжигал в сердцах правоверных мусульман. Г-жа Паниз периодически поправляла головной платок и пила чай из красивого фаянсового сосуда довольно маленького размера, по форме напоминающего бутон розы.

Она совсем меня не замечала, несмотря на то, что я находилась в её напоминавшем деревянную шкатулку кабинете более 10-ти минут кряду. От обилия книжной пыли, летавшей в воздухе, я чихнула.

Однако даже после этого г-жа Паниз продолжала что-то писать, словно мыслями она была не здесь, а в другом месте. Посидев некоторое время со скучающим видом на диванчике, мне пришлось кашлянуть, чтобы окончательно обратить на себя внимание. Наконец, услышав «столь странные звуки», доносившиеся из глубины её кабинета, г-жа Паниз вздрогнула и внимательно посмотрела в мою сторону. При этом она сняла очки, затем снова надела их.

Зачем люди только носят эти стёкла? Со стороны они кажутся идиотами. Впрочем, в очках глаза г-жи Паниз казались просто огромными. Я ощутила на себе её пристальный взгляд. Я улыбнулась и поздоровалась, отдавая дань уважения её возрасту. Но вместо привычного «здравствуйте» у меня вырвалось:

У Вас очень красивый цветок, г-жа апа-джан, - это произошло так быстро, так неожиданно, что я смутилась.

Бану давно пристыдила бы меня за подобную дерзость. Однако, казалось, г-жу Паниз мои слова ничуть не повергли в панику и не вызвали гнев.

Кто ты, дитя? - спросила она, когда смогла говорить.

Вообще-то меня зовут Гюль-че-чек. Но родные и близкие называют Нежным Цветком. Наверное, моё имя совсем не соответствует моему характеру.

Ты приехала сюда одна?

Нет, меня привёз Мехран-абу.

А где же твои родители? - спросила Паниз-джан.

Я пожала плечами:

У меня их нет.

Нет?

Мама умерла три года назад.

А отец?

Я вздохнула, не хотелось вдаваться в эти воспоминания.

Папу я совсем не помню. Мама, наверное, умерла от тоски по нему. И ещё из-за того, что у неё было очень слабое здоровье.

А значит тебя воспитывали другие люди?

Да, - согласилась я, - В последние годы я жила в доме дядюшки Махсуда-джан и бану Хуршид.

Да воздаст им Аллах за их доброту, - произнесла Паниз-джан, коснувшись своих бирюзовых чёток.

Я привезла Вам рекомендательные письма, госпожа.

Г-жа Паниз быстро пробежала глазами протянутые мною письма.

Ну а почему же они не сопровождают тебя, дитя?

Дядюшка Махсуд сразу же после празднования Навруза уехал по торговым делам в Исфахан. А бану-джан — на похороны своей дальней родственницы.

Я вспомнила череду последних событий.

А сколько же тебе лет, дитя?

Восемь будет.

Г-жа джан только руками развела:

О, Аллах! Разве можно отпускать одну в неизвестный большой город такую крошку, как ты? В большом городе столько неожиданностей и опасностей для девочки.

Я не нашлась, что ответить, но была несколько не напугана путешествием, наоборот даже получила новые впечатления от столь непродолжительной дороги. Да и потом, что я могла сказать? Мои слова могли расценить, как проявление невоспитанности. Тем временем г-жа джан взяла со стола колокольчик, который я сначала не заметила, и позвонила в него.

Через какое-то время в кабинет директрисы вошла очень худая женщина в длинном чаршафе и длинном тёмно-синем платье. Мне сразу бросилась в глаза её бледность. Очевидно, она была чем-то очень серьёзно больна. Войдя в кабинет директрисы, женщина поклонилась.

Атефех, отведи это дитя в новую комнату и распорядись, чтобы её покормили на кухне. Она с дороги и, наверное, успела проголодаться.

Разумеется, г-жа джан, - ответила женщина и кивком головы подозвала меня к себе.

Я поблагодарила г-жу директрису и пошла за ней следом по длинным тёмным коридорам.

...В комнате, где мне суждено было провести довольно продолжительное время, было пусто. Видимо, в данное время девочки были на занятиях. Атефех-апа поставила на пол возле моей кровати мой узелок и обратилась ко мне:

Устраивайся. Я подожду в коридоре. Когда ты выйдешь, я отведу тебя на кухню.

Атефех-апа вышла за дверь, а я осмотрелась. Комната была небольшой, хотя очень вместительной. Тюлевые занавески на шторах дрожали от порывов ветра. На подоконнике стоял горшок с уже расцветшими фиалками. Комната была рассчитана на трёх девочек. Моя кровать с тумбочкой располагалась прямо у окна. Деревянные полы были частично истёрты, потому что краска слетела, оставив грубые пятна. В комнате пахло вербеной и фиалками. В углу стоял стол с керосиновой лампой. Я удивилась, потому что в исламских медресе ученики сидели на полу, а вместо тетрадей выделялись специальные дощечки с мелками. При изучении арабского алфавита полагалось чертить мелками ту или иную букву и повторять её произношение за учителем. Возможно, это медресе было с европейским уклоном. Обычно такое не приветствовалось, хотя в последние годы шах пошёл навстречу междлису, указами разрешив в женских мусульманских медресе изучать языки, математику, европейскую культуру.

Всем было известно, что Мозафереддин не одобрял подобные нововведения. Однако они были необходимы с учётом новых веяний времени.

Я услышала за дверью кашель Атефех-апы. Мне пришлось наспех запихать свои вещи в тумбочку и выскользнуть за дверь, где меня ждала добрая женщина. Она взяла меня за руку и повела в столовую.

Меня усадили за очень длинный стол, ко мне подошла толстая женщина-татарка с горячей миской, от которой ещё шёл пар. Это был плов, настоящий плов с пряностями и барбарисом, как я и любила. Миска была поставлена прямо передо мной. Я хотела начать есть, как

принято у мусульман, плов руками, но толстая татарка в тюбетейке сделала мне знак. Затем она куда-то ушла и вскоре вернулась с ложкой, протянула её мне.

- Ешь, - сказала татарка на ломанном фарси, но несмотря на это я поняла её.

Нет, конечно же, у нас в Иохане плов бывает намного вкуснее. А разве может быть по другому, когда его приготовлением руководит сама Фирузэ-джан? У неё старые морщинистые руки и, кажется, я запомню вскоре каждую жилку на этих нежных заботливых руках. Они так ловко берут огромную плошку и мешают варево, что, кажется, оно само готово подчиниться её приказам.

У Фирузэ-джан толстые, как две верёвки, брови, сходящиеся к переносице, что считается признаком женской красоты. Я сама видела, как девушки подводили тушью брови, если этой самой заветной дорожки к переносице не было и вообще не суждено никогда быть.

Но в тот день я была сама так сильно голодна, что с удовольствием съела этот плов, вовсе не казавшийся мне верхом кулинарного мастерства. Здесь отсутствовал барбарис или его было настолько мало, что совсем не ощущался его аромат.

«Без барбариса плов — не плов», - любила говаривать Фируза-апа.

Вкусно? - спросила повариха-татарка, когда я уже почти закончила.

Угу.

А разве могла я сказать ей, что плов должен быть не таким? Портить отношения с этой милой женщиной совсем не хотелось, тем более, с окружающей обстановкой я ещё не успела, как следует, освоиться. Вскоре татарка унесла пустую миску и поставила передо мной стакан с киселём.

- Подкрепись ещё, до обеда не скоро, - сказала она.

Я спросила её имя. Повариха улыбнулась и ответила:

- Называй меня Ясмина-ханым.

- Ясмина-ханым, а можно я иногда буду приходить сюда, чтобы помочь Вам? - спросила я.

Казалось, мой вопрос застиг добрую женщину врасплох. Так обычно бывает, когда ты неожиданно без всяких причин просто так предлагаешь свою помощь. Люди не склонны получать её просто так, у них чаще всего возникает подозрение в искренности предложения. Однако Аллах завещал нам помогать друг другу.

- Хорошо, приходи. Я буду тогда давать тебе свежего парного молока.

.....Моими соседками по комнате оказались две девочки-мусульманки. Одну из них звали Зухра. Мне показалось, что она была очень болезненной на вид. Она постоянно молчала и, в основном, сидела, уткнувшись в Коран. Говорили, она стала такой после смерти от чахотки своей старшей сестры.

- Моя мама тоже умерла несколько лет назад, - сказала я, но, кажется, на Зухру мои слова не произвели абсолютно никакого впечатления.

Вторую девочку звали Ильхам, и она мне показалась более живой и адекватной. Тем более, мне очень понравилась её не напускная весёлость, что очень импонировало мне.

Как и у всех мусульманских девочек на голове Ильхам было множество косичек, и они показались мне тогда такими забавными. Мы сразу нашли общий язык и уже через три минуты нашего знакомства всю хохотали. Ильхам со всей живостью изображала старика сторожа Аббаса, чьё имя совсем не соответствовало его доброй натуре; повариху Ясмину, которая постоянно кивала, будто соглашалась со всем. Она передразнивала каких-то учительниц и девочек, проходивших обучение в медресе Паниз-джан, которых я не знала, но несмотря на это я охотно смеялась от всей души.

- А учитель словесности Али-джан! - хохотала Ильхам, - Видела бы ты его и особенно его походку и то, как он опирается на свою допотопную трость.

Ильхам не замедлила изобразить, а я представила себе седовласого старца с кривыми маленькими ножками, несшими его грузное тело с огромной чалмой на голове.

Родители и семья Ильхам жили в Тебризе — довольно старинном городе. Отец Ильхам занимался продажей специй, которых в её доме было целое изобилие. О, она знала столько легенд про эти специи! Впервые я узнала от своей новой подруги по медресе о существовании таких специй, как асафетиды, шафрана, карри. Хотя я знала, что бану часто распоряжалась подавать плов к обеду именно с шафраном. Я знала, он специально привозился из Индии и был очень дорогим. От шафрана цвет плова приобретал приятный желтоватый оттенок и специфический аромат. Я также узнала, что большинство специй и пряностей изготавливается в далёкой сказочной Индии.

Закрыв глаза, я представляла себе красивые поля, полные цветов, которых я никогда в своей жизни не видела. Я с упоением слушала рассказы Ильхам об этой удивительной стране. О, как мне хотелось попасть туда хотя бы на одно мгновение!

Зухра искоса поглядывала на нас, наверное, она осуждала наш смех и беззаботное веселье, потому что ей столько лет кряду твердили о том, что мусульманская девочка не должна быть такой легкомысленной, как мы.

Мы не обращали на неё внимания. Вдруг Ильхам поманила меня пальцем. Я вопросительно посмотрела на подругу:

- Ты хочешь мне что-то сказать?

- Да, - закивала Ильхам, - у меня есть один секрет, о котором я никому ещё не рассказывала.

- Секрет?

Она потянула меня за руку к двери.

- Идём в коридор.

Больше не говоря ни слова, я последовала за Ильхам. Слава Аллаху, в коридоре медресе в этот момент никого не было, лишь издали доносились чьи-то голоса. Мы встали у окна.

- Знаешь, куда я сегодня иду? — заговорщически спросила Ильхам.

Я мотнула головой.

- Нет, не знаю.

Интрига была такой сильной, что я в нетерпении задёрнула Ильхам за руку.

- Тут неподалёку есть старый запущенный дом, где давно уже никто не живёт.

- А раньше там кто жил? — спросила я.

Ильхам пожала плечами.

- Не знаю. Говорят, раньше там жил почтенный Абул-фази-джан с семьёй. Он был учёным человеком и проповедовал Коран.

- А где же теперь хозяева?

- Я слышала, что жена почтенного Абул-фази много лет назад отправилась в рай. А сам хозяин ушёл путешествовать по восточным землям.

Почему-то мысленно я представила себе глубокого старца с посохом и котомкой за плечами, идущего на поклонение в священную Мекку.

- И что же такого особенного есть в том доме? — спросила я.

- Он находится на старом пустыре, и его называют «Летающими Небесами».

- «Летающие Небеса».

Завораживающее название старого дома ещё сильнее заинтриговало меня.

- А почему они «летающие»? — спросила я.

- Когда-то почтенный Абул-фази много молился и принимал у себя святых проповедников. Сама удача, казалось, поселилась в этом пустынном доме.

- Почему ты так говоришь, Ильхам?

- Потому что я слышала, туда приходят больные и затем они исцеляются, в то время, как от них давно отказались все лекари. А ещё всё, что ты пожелаешь, находясь внутри старого дома, впоследствии обязательно сбудется.

- То есть, ты хочешь сказать, что «Летающие Небеса» исполняют все желания обычных людей?

Ильхам кивнула:

- Да, именно это я и хочу сказать. Так ты пойдёшь со мной туда сегодня?

- Конечно пойду.

Вопрос о том, что за такое мы можем быть наказаны, вовсе не волновал ни меня, ни Ильхам.

И потом, что особенного произойдёт, если мы сходим на старый пустырь?

- После ужина, - сказала Ильхам.

Сам ужин перестал интересовать меня, так хотелось непременно побывать в этом загадочном доме благочестивого Абул-фази. Помню, я с большим нетерпением дождалась вечера, когда закат ярким отблеском кратковременно осветил землю.

Тем более в тот день мне дали отдохнуть, г-жа Ахмет-шах — строгая учительница с очень бледной кожей и пылающими огнями глаз водила меня по всему медресе, знакомя с расположением учебных классов, другими преподавателями. Мне даже было позволено попристутствовать на уроке арабского языка. Девочки повторяли хором произношение тех или иных букв за учителем и тут же писали их мелкими на дощечках, повторяя за написанием преподавателя. Но я не проявила ни малейшего интереса к уроку, воображая себе дом «Летающие Небеса». Бедным учителям приходилось периодически дёргать меня за рукав моего платья, чтобы я отвлеклась и внимательно слушала их. Обстановка медресе мелькала передо мной подобно калейдоскопу.

Ильхам дала мне несколько леденцов с корицей, которые имели форму разноцветных бусин. В моей ладони оказалось пять бусин — жёлтая, оранжевая, две красных и синяя. Я вопросительно взглянула на свою новую подругу.

Тебе нужно немного подкрепиться, - объяснила Ильхам.

А ты?

Я уже.

Постепенно одну за другой я дососала каждый леденец. Их вкус, как мне показалось, ничем необычным не отличался.

Всё это время Ильхам терпеливо ждала меня. Когда я, наконец, закончила с последним своим леденцом, Ильхам сказала:

Теперь нужно дождаться, когда уснёт Зухра. Ты последи за ней, а я пойду к центральным воротам.

Но они ведь скоро закроются, - засомневалась было я, однако Ильхам успокоила меня:

Не волнуйся, если пройти немного вдоль забора и держаться всё время прямо, то в заборе можно обнаружить небольшую брешь. Её пока ещё не заделали, и это нам как раз на руку. Я прослежу, чтобы старый сторож и учительницы ушли в свои корпуса.

Разве сторож не спит прямо на своём посту? - спросила я.

Ильхам только улыбнулась, и в темноте я смогла разглядеть её стройный белый ряд зубов.

- Бабак-джан уходит к себе в каморку и спит, как убитый, всю ночь.

Я представила себе старика-сторожа, хотя видела его всего один раз, от него сильно пахло кофе с миндалём. Старик носил очень яркую тюбетейку с какими-то причудливыми узорами.

....Зухра долго ворочалась с одного бока на другой, иногда в полудрёме она шептала слова молитвы, призывала Всемогущего Аллаха, однако, в конце концов, сон нагрязнул на её беспокойную голову. В мою задачу входило: во-первых, убедиться, что Зухра уснула; во-вторых, я должна была припасти кусок мяса из кухни, чтобы дать его сторожевому псу.

Надо сказать, со своей задачей я справилась блестяще. Ровно в полночь, когда вокруг было достаточно темно, и на небе замерцали звёзды, совсем как в «Тысяча и одной ночи», я вышла из корпуса, чтобы в условленном месте дождаться Ильхам.

Было прохладно, и если бы я не одела шерстяную кофту, то замёрзла бы. Мне уже начало казаться, что всё, что со мной происходит, я вижу в своём каком-то причудливом сне, как увидела в темноте приближающуюся ко мне хрупкую фигурку Ильхам. Она замахала мне рукой, что означало то, что я должна была подойти к ней.

Ильхам, я здесь, - прошептала я, тоже замахав подруге в ответ.

Подруга подмигнула мне, в темноте я снова увидела её белозубую улыбку.

Ты не передумала?

Конечно же, нет.

А мясо приготовила?

Как ты и просила.

Тогда идём.

Она потащила меня к одиноко стоявшей возле забора будке. Услышав наши шаги, к нам выбежала огромная овчарка, привязанная цепью к будке. Собак я, вообще-то, не боюсь, тем более, похоже, этот пёс был не из злых. Он, заведя нас, завилял хвостом, будто, приветствуя нас.

Арман, Арман, иди сюда, - произнесла Ильхам, подзывая к себе пса и протягивая ему солидный кусок баранины, который в тот день мне удалось выпросить у поварихи Ясмин.

Я видела, с какой любовью Ильхам буквально расцеловала собаку.

Не бойся, Гюль-че-чек, - обратилась она ко мне, - Арман, мой старый друг, и он может хранить чужие тайны и быть верным, как ни одно человеческое существо.

Арман начал уплетать мясо, а я осмелилась погладить жёсткую шерсть моего нового друга, к которому уже успела проникнуться симпатией. Сама не знаю, но почему-то в тот вечер в моей душе с каждым разом возрастал страх, страх перед чем-то неизвестным, загадочным, с чем мне предстояло столкнуться. Но я стеснялась этого, стеснялась признаться даже самой себе.

Глава 3

«Святой грешник»

«Если есть у тебя

На земле закуток,

в это подлое время хоть хлеба кусок,

если ты никому не слуга, не хозяин,

значит, ты очень светел и духом высок».

(Омар Хайам, персидский поэт)

....Внутри дома под названием «Летающие небеса» было действительно темно. Мы шли по старому заброшенному дому, озираясь по сторонам, изредка натываясь на предметы, мебель, старые комоды. Похоже, дом был оставлен таким, каким он был тогда много лет назад.

Здесь темно и как-то жутковато, - прошептала я, обратившись к Ильхам.

Раньше я всегда считала себя очень смелой, решительной, не пасовала перед жизненными трудностями, но, оказавшись в этом мрачном доме, я впервые ощутила неподдельный страх.

Я зажгу свечу, - ответила Ильхам.

Свечу? У тебя есть свеча? - спросила я.

Она кивнула.

Я забыла остатки парафиновой свечи, кажется, вон в том комод.

Ильхам тихонечко подошла к одному из комодов, цвет которого уже совершенно невозможно было определить, потому что краска давно стёрлась, и сейчас на его поверхности проступили какие-то уродливые пятна. Ильхам открыла с трудом самый верхний ящик, точнее,

она со скрипом выдвинула его вперёд. На дне совершенно пустого ящика были действительно остатки свечи. Тут же лежали спички.

В темноте чиркнула одна из них, и вскоре всё вокруг осветилось тусклым светом. При этом вся окружающая обстановка стала восприниматься мной совершенно иначе — мне показалось, что предметы ожили, испустив в пространство свои собственные флюиды. Я обратила внимание на фотографию, уже истёршуюся временем, стоявшую на том самом «бесцветном комод».

Я приблизилась к фото со свечой, чтобы лучше её разглядеть. На фотографии, судя по всему, был запечатлён сам хозяин дома с женой. Даже в тусклом свете свечи я обратила внимание на красоту женщины, которую можно было охарактеризовать как «необыкновенная». В западном мире женщина с таким лицом могла бы стать настоящей актрисой.

Огромные миндалевидные глаза смотрели по ту сторону фотографии, будто проникали насквозь в твой внутренний мир. У неё были чувственные губы, очень красивой формы нос, длинные чёрные волосы были распущены и струились вдоль плеч и стана. Неудивительно, ради такой женщины можно было потерять голову. Сам хозяин заброшенного дома на пустыре Тегерана показался мне человеком серьёзным и проницательным, судя по взгляду. На пожелтевшей от времени фотографии он был ещё довольно молод. На голове возвышалась чалма с каким-то драгоценным камнем. Присмотревшись повнимательней, я вздрогнула и отпрянула от портрета. Мне показалось....О, Аллах! Этого не может быть! Никак не может быть! Это был тот самый голубой алмаз, который несколько лет назад мне подарила мама!

Что с тобой, Гюль-че-чек! - удивилась Ильхам, наблюдая за моей реакцией.

Мне пришлось быстро привести себя в чувство, потому что тайну голубого алмаза никто не должен знать. Я всё ещё не могла поверить в то, что увиденное мной не являлось ошибкой. Я взяла фотографию вместе с рамой, сунула её в свой заплечный мешок, в котором лежала захваченная наспех в кухне еда: лепёшки, кусочки брынзы, лаваш с кинзой.

Ты хочешь взять с собой портрет хозяина дома? - спросила Ильхам.

Я кивнула.

Но зачем он тебе нужен, Гюль-че-чек?

Я пожалала плечами.

Не знаю, просто возьму с собой.

И тебе не страшно?

Страшно? - удивилась я, - почему же мне должно быть страшно, Ильхам?

С этим домом, кроме того, что я тебе говорила, связана какая-то тайна. Говорили, его хозяин был очень богат, но сердце его было полностью разбито, когда его жена — одна из самых прекрасных женщин Тегерана, умерла.

Ильхам внимательно посмотрела на меня:

Гюль-че-чек, мне кажется, когда ты вырастешь и станешь взрослой, ты будешь так же красива, как загадочная хозяйка дома.

Я хочу есть, - сказала я.

Тогда достань из мешка лаваш, он ещё свежий, - предложила Ильхам.

Я пошарила в мешке, слегка погладила ладонью старенькое фото в рамке, сама удивляясь тому, как это за такое короткое время, оно успело стать частью меня самой. И всё же оно стало.

Лаваш действительно оказался свежим, он ещё не успел потерять тепло печи Ясмин и душевность её искусных рук. Я протянула второй большой кусок лаваша Ильхам.

Держи.

Подруга поставила свечу на комод, и я смогла увидеть её весёлое довольное лицо.

Спасибо.

Доев «ужин», Ильхам посмотрела на меня.

А теперь мы по очереди войдём вон в ту комнату и загадаем своё заветное желание.

Палец Ильхам был направлен в сторону закрытой двери, которая даже при столь скудном освещении была ярко-фиолетовой, и мне даже на миг показалось, что оттуда, от самой двери исходило свечение. Оно было тёплым, словно, от маленького солнышка.

Что это за комната? - спросила я.

Говорят, когда-то хозяин дома беседовал в ней с дервишами и имамами. А также вечерами он молился, призывая добрых джиннов, которые могли бы помочь.

Помочь?

Ну, да. Ведь его жена, Афсана-джан, к тому времени была очень больна.

Так жену хозяина звали Афсаной? - спросила я, - А чем она была больна?

Ильхам пожала плечами.

Не знаю. И всё это лишь по слухам.

А как звали хозяина дома?

Спроси чего-нибудь полегче, Гюль-че-чек.

Ладно, я не стану задавать тебе глупых вопросов, только первой в ту комнату войдёшь ты, - сказала я, не заметив того, что Ильхам улыбнулась.

Ты боишься, Гюль-че-чек, Нежный Цветок?

Я передёрнула плечами. Мне никогда не нравилось, что меня уличали в собственной трусости вовсе не по причине тщеславия. Просто мне всегда хотелось быть и производить впечатление эдакой смелой тигрицы, которой море по колено и горы по плечу. Терпеть не люблю нытиков и тех, кто хочет построить из себя неженку и белоручку вроде Махсы и других подобных ей девочек из аула.

Вовсе я не боюсь, - соврала я, совершенно не краснея при этом, хотя у самой зубы стучали, и тело дрожало, словно, осиновый лист. Почему-то именно в тот момент мне вспомнились слова тётушки Арзу. Из её неугомонных уст часто вылетали поговорки.

«Чем страшнее обезьяна, тем больше она танцует», - говорила Арзу-апа.

Дверь фиолетовой комнаты скрипнула, и я поняла, что Ильхам вошла внутрь неё.

Мне почему-то стало ещё страшнее находиться наедине с темнотой. Свеча уже догорала, поэтому та комната, где я находилась, превратилась в полумрак. Я пошарила в ящике комода, чтобы нащупать ещё несколько остатков свечей, но ничего не нашла. Возможно, к моему сожалению это были совсем не те ящики. Становилось холодно, и я уже начала стучать зубами. А затем я почувствовала лёгкое прикосновение к своему плечу. Вернулась Ильхам.

Теперь твоя очередь, - сказала она, - Ты не забыла взять с собой несколько монет, о которых я тебе говорила?

Я вспомнила о том, что Ильхам советовала взять с собой в дом монеты. «Для чего они нужны?» - удивилась я. «Это — дар дому, - ты загадаешь своё заветное желание и оставишь монеты. Так принято», - ответила Ильхам тогда.

Не забыла, - сказала я, достав из кармана несколько монет.

Я толкнула фиолетовую дверь, перед этим прочитав молитву. Жаль, что у меня не было с собой чётков....

Мне пришлось, наконец, открыть глаза, потому что я вошла в «заветную комнату» с закрытыми глазами. Мне было страшно, однако я заставила себя оглядеться.

Как ни странно, в комнате не было ничего кроме фиолетовых стен, пола и потолка. В центре находилось нечто вроде жертвенника в виде кувшина. Кувшин по своей форме напоминал лилию с раскрывшимися лепестками. В самой её сердцевине едва тлел слабый огонь.

Когда я подошла к кувшину, то не смогла понять, как вообще внутри него мог гореть огонь. Возможно, кто-то регулярно приходил в дом и подливал масло. Но к моему удивлению огонёк был тоже фиолетового цвета, как и весь интерьер.

Совсем не заметив этого, я впала в забытье, будто, провалилась в сон. Очнуться меня заставил чей-то голос, точнее, он исходил как бы изнутри меня самой.

Ты пришла сюда, чтобы загадать своё самое заветное желание?

Я огляделась по сторонам, чтобы увидеть своего собеседника, но его нигде не было.

Да, - ответила я, почувствовав, что «голос» ждал моего ответа.

Кто Вы? - спросила я, однако Голос промолчал, видимо, предпочитая оставаться загадочной.

Загадывай.

Я вздохнула, набрав полную грудную клетку воздуха.

Я...я хочу встретить свою любовь, - прошептала я, прислушалась к фиолетовой темноте.

Мне показалось, что она стала гуще.

А затем я увидела, как голубыми раскатами заиграл алмаз, подаренный мамой. От такого яркого света я даже зажмурилась. Я была удивлена, откуда в фиолетовой комнате появился мой голубой алмаз. А может этому камню отныне суждено преследовать меня повсюду?

Я очнулась от того, что чьи-то руки энергично трясли меня за плечи. Я открыла глаза.

Гюль-че-чек! Проснись! Очнись же, Гюль-че-чек! - чуть ли не кричала Ильхам.

Мне показалось, что у неё было обеспокоенное лицо.

Что....что случилось?

Ты не дышала, я действительно испугалась, - пробормотала Ильхам, - я подумала, что ты умерла.

Я огляделась. Мы обе находились в фиолетовой комнате посреди ночного сумрака. Только «жертвенник» с лилиями в её центре уже не горел.

Так значит, я спала? - предположила я, - Конечно, разве может слышаться голос из Ниоткуда и гореть фиолетовый огонь?

Фиолетовый Огонь? - удивилась Ильхам.

Я рассказала ей свой сон, не упомянув разве что про Голубой Алмаз.

Ты действительно слышала этот голос?

Да, слышала.

И деньги принесла?

Я положила на жертвенник заготовленные заранее монеты.

Ильхам, пойдём скорее домой. Здесь так холодно и жутковато.

Она кивнула.

Пойдём.

Однако, когда мы вышли на крыльцо дома, от нашей затеи пришлось отказаться. На мою ладонь упали первые капли дождя, которые стали падать всё чаще и чаще до тех пор, пока всё вокруг не заволокло серой пеленой проливного дождя. Где-то в небе яркими раскатами сверкнула молния, земля содрогнулась от громахания. Я вздрогнула и всем телом прижалась к дрожавшей Ильхам.

Вдруг в этот самый момент на втором этаже загорелся свет.

Ой, что это? - Ильхам показала пальцем прямо на светящееся окно. Я пожала плечами.

Я предлагаю подняться и всё самим узнать.

Стой, Гюль-че-чек, а вдруг это — злой дух, который поселился в этом доме?

Не болтай ерунды.

На самом деле в тот момент мне было ещё страшнее, чем Ильхам, но я старалась не выдать себя.

Дверь, из которой узкой полоской струился свет, оказалась едва прикрытой. Однако было гораздо страшнее там, снаружи, где грохотал гром, и небо, то и дело, прорезали яркие вспышки молний, чем здесь внутри странного дома, полного тайн и загадок. Я почувствовала дрожь Ильхам, поэтому ничего больше не говоря, я толкнула слегка дверь. Перед нами предстала следующая картина. Посреди залитой светом комнаты на полу стоял на коленях какой-то чело-

век и совершал намаз. На полу стояла керосиновая лампа, от которой и исходил свет. Я не могла видеть лица мужчины, но по шёпоту его голоса, фигуре, ему можно было дать лет тридцать-сорок.

Я видела, что в его правой руке были зажаты чётки. Произнося каждый раз «Бесмелех», он передвигал по одной деревянной бусине чёток и касался лбом пола. Обычно мусульмане совершают намаз, сидя на коврике для молитвы, но на полу не было никакого коврика.

«Если этот человек так рьяно поклоняется Аллаху, он не может быть чудовищем», - подумала я.

Я посмотрела на Ильхам, которая перестала дрожать. Я кашлянула. Человек, совершающий намаз, вздрогнул, оглянулся на нас.

Лицо у него оказалось довольно молодым и загорелым. Необычная красота этого лица сразу бросалась в глаза. Чёрная густая шевелюра волос иногда перемежалась с серебристыми нитями. Возле висков просматривались густые белые полосы седины, которая ещё больше облагораживала лицо.

Какое-то время в его чёрных глазах читался страх, но затем он исчез, и на лице возникло выражение недоверия.

Кто вы? - спросил незнакомец.

У него был довольно приятный бархатный голос с низким тембром. Некоторые называют такие голоса «грудными».

Простите, абу, мы нарушили Ваше уединение в этот вечерний час, но на улице такой сильный дождь, и нам совершенно некуда идти.

В этот момент послышался гром, и комнату полоснула молния. Я зажмурилась.

Лицо человека озарила тёплая улыбка. Он сделал приглашающий жест.

Будьте гостями на этот вечер, - сказал человек.

Я посмотрела на пустой камин, поёжилась от холода.

Абу, Вы позволите развести огонь?

Он кивнул.

Я голоден, - признался мужчина, - но это — моё привычное состояние.

Я подмигнула Ильхам.

О, у нас с собой есть еда. Думаю, было бы здорово разделить вместе трапезу.

Мы достали из своих вещ-мешков лаваш с кинзой, овечий сыр. К моему радостному удивлению Ильхам припасла немного плова, вероятно, выпрошенного ею у поварихи. Я налила в небольшой кувшин немного козьего молока. Я видела, как у незнакомца заблестели глаза.

Я и не думал, что попаду сегодня в рай, но сегодня Аллах послал мне две чистые души, дав знак, что не всё так плохо, и я на верном пути.

Мужчина отыскал пустые кружки, которые стояли на серванте и уже порядком запылились. Протянул нам по одной и налил в каждую молоко, в то время, как Ильхам была занята растопкой камина.

Вскоре затрещал огонь, я удобно устроилась возле камина, протянув руки, чтобы окончательно согреться.

Простите, абу, как к Вам обращаться? - спросила я, ещё больше осмелев, - судя по всему на Вас одежда хаджи и чётки. Значит, Вы, скорее всего, мудрый человек и праведник.

Незнакомец откусил немного лаваша, запил молоком.

Называйте меня святой грешник. А если серьёзно, меня зовут Али-джан.

Али..., - пробормотала я, - Думаю, Ваше имя вполне соответствует Вашей натуре (Примечание: «Али» в переводе с персидского означает «высокий», «возвышенный»).

Вы мне льстите, - улыбнулся Али-джан.

Я всмотрелась в его глаза, которые в свете камина приобрели глубину и оранжевые оттенки.

Нет, я не привыкла льстить. Вы живёте в этом заброшенном доме? - спросила я.

Он пожал плечами:

Трудно вообще сказать, где я живу: сегодня — здесь, завтра — в другом месте. Но я когда-то знал хозяина этого дома.

Он был Вашим другом?

Можно и так сказать. Мы были приятелями, учились вместе в Европе в одном из самых престижных колледжей Парижа.

Слово «Париж» являлось для меня чем-то таким загадочным, фантастическим; обычно его употребляли респектабельные люди, принадлежавшие к высшему обществу, когда общались друг с другом.

- Париж? – удивилась я.

- О, это – очень красивый город во Франции на берегу Сены, - глаза Али-джана стали какими-то мечтательными.

- А как звали хозяина дома? – спросила я, представив сразу же перед собой его фотографию, которую я убрала в вещь-мешок.

- Его имя было Бехман, что означало «хороший разум», - ответил Али, - Он и на самом деле обладал хорошим разумом, стремился к знаниям, знал несколько языков, в том числе и древний фарси, на котором говорили наши предки.

Я слушала джана Али, как заворожённая.

- Али-джан, а почему Бехман-аба покинул этот дом? - спросила я.

Али глубоко вздохнул.

- Семья нашего шаха ценила этого человека, преклонялась перед его мудростью и знаниями. Казалось, его душа могла постичь и преодолеть все слабости этого грешного мира, однако, и у Бехмана была своя слабость.

- Какая же, Али-джан? – с любопытством спросила я. Наблюдая за тем, как трещат поленья в камине. Он взял старую кочергу, разворошил пепел, отчего в комнате стало ещё теплее, а следовательно, и уютнее.

Ильхам тоже, как и я, слушала рассказ Али-джана, поглощая остатки плова. Дождь за окном барабанил с неистовой силой по стеклу, но это уже не пугало, а наоборот, успокаивало меня.

- Вся беда в том, что, - Али-джан выдержал небольшую паузу, чтобы «подогреть» наше с Ильхам обоюдное любопытство этой историей, - что Бехман-джан очень любил свою жену Афсану. Она была уроженкой Египта и отличалась редкостной изысканной красотой. Как и у тебя, её глаза были небесно-голубого цвета, что считается довольно редким сочетанием, - Али посмотрел на меня, и от его пристального внимательного взгляда я засмушалась. Он улыбнулся, обратившись ко мне:

- Знаешь ли ты о том, что когда ты вырастешь, ты тоже будешь очень красивой?

Я опустила глаза и пожала плечами:

- Мне никто не говорил раньше таких слов, уважаемый Али-хаджи. Вы, наверное, прошли сотни дорог и многое видели в жизни? – спросила я.

- Я путешествовал в Мекку, Медину почти пешком на босу ногу.

Я представила себе истёртые в кровь ступни Али-джана, и мне стало не по себе.

- Да, почти пешком и почти без обуви, - подтвердил мои мысли Али-джан.

- Вы хотите сказать, что совершили хадж во имя Аллаха и Его Пророка Мухаммеда? – впервые подала голос Ильхам.

Али-хаджа кивнул.

- Да, я хотел отмолить свои грехи и увидеть настоящее чудо.

- Чудо?

Али-хаджи удивлённо посмотрел сначала на Ильхам, потом на меня.

- Вы ничего не слышали о Священной Каабе?
- Конечно, слышали, - чуть ли не возмутились мы.
- О, так Вы видели Священную Каабу? – спросила я.
- Видел. Огромный куб чёрного цвета. Я даже смог прикоснуться к реликвии.
- Тогда Вас тоже следует считать святым, - сказала я.
- Вы удивитесь, но не это впечатлило меня.
- А что, Али-джан? Что Вас так впечатлило?
- Я встретился в Мекке с одним старцем, который знал слишком много притч. Я слышал, он жил почти пятьсот лет на одном месте, хотя доподлинно никто до сих пор не знает, сколько ему лет.
- Пятьсот лет! – я присвистнула, удивлению моему не было предела.
Почему-то я представила себе совершенно дряхлого старика, кое-как передвигавшего ноги и греющего свои старые косточки на солнце.
- Такое невозможно себе даже представить, - едва слышно пробормотала я.
- И я не мог представить. Его звали хаджи Абулфази. Часть своей мудрости он передал мне – простому смертному.
- И Вы можете поделиться ею с нами? – спросила я.
Лаваш с зеленью уже больше не интересовал меня.
- Могу, - Али-джан улыбнулся, и от этой простодушной улыбки вокруг стало как-то теплее, - Старик Абулфази рассказал мне много притч, но одна из них меня особенно впечатлила.
- Вы расскажете? – спросила я.
Вместо ответа Абулфази многозначительно промолчал. Затем произнёс грудным голосом, но мы хорошо слышали его каждое слово, будто оно запечатлевалось на граните наших сердец.

Прича о страннике и его Пути

В одном старинном городе жил человек. Он был таким же, как и все остальные люди, не отличавшись ничем от других. Его жизнь была такой же серой и никчёмной, как и у большинства людей, которые находились рядом с ним.

Но случилось чудо, которое давно не происходило с ним. Он стал задумываться над тем, почему он так бесцельно живёт, хотя никто не задумывался над подобным. В том городе пронёсся слух о том, что в городе на самой его окраине в бедной глинобитной лачуге поселился один мудрец, который считался святым человеком, потому что совершил несколько хаджей в Мекку.

Аббас — так звали того человека, узнав о хаджи, подумал, что ему Всевышним дан уникальный шанс узнать, для чего он вообще живёт и ответить на волнующие его вопросы. И он пошёл к мудрецу хадже.

Возле его хижины толпилось много народа, ибо каждый из пришедших хотел коснуться стоп святого человека. Но вот когда очередь, наконец, дошла до Аббаса, войдя в хижину, он коснулся лбом земли, коснулся стоп праведника. К его крайнему изумлению праведник заговорил ещё до того, как Аббас успел изложить ему свою печаль.

Тебе нужно отправиться в долгий путь, в конце которого ты найдёшь себя, познаешь свою душу, а также встретишь свою любовь и тогда поймёшь, в чём смысл твоей жизни.

Услышав слова мудреца, Аббас лишился дара речи. Наконец, когда он обрёл его, то произнёс, обратившись к нищему праведнику:

Откуда ты знаешь, что лежит у меня на душе?

Мудрец улыбнулся.

У меня мало времени на тебя. Я не стану отвечать на твой вопрос.

Почему, хаджи? - спросил разочарованный Аббас.

Потому что все вопросы и ответы находятся в твоём сердце. Когда-то я был точно таким же, как и ты, и у меня было много вопросов, и я точно так же, как и ты, искал истину до тех пор, пока Истина сама не нашла меня. Но похоже, это — бесполезное занятие — тратить время на такого, как ты, ибо мои капли мудрости каплют бесполезно на стекло твоего отчуждения, не напитав розу твоей души.

После этих слов мудрец оставался безмолвным и, казалось, никакие мольбы Аббаса не могли его пронять и заставить говорить. Так ни с чем Аббас вышел из глинобитной хижины святого хаджи.

На следующий день Аббас распродал всё своё имущество и отправился в путь, чтобы встретить того, кто будет давать ему наставления, как дальше жить. В первый день своего пути Аббас встретил одну нищенку, державшуюся скромно. Однако она очень хотела сопровождать его, деля с ним и радости, и печали. На нищенке была грубая накидка, вся в заплатах, а лицо её было почерневшим от страдания и боли.

Меня зовут Зухра, - представилась нищенка, - Разреши мне остаться с тобой, чтобы помогать тебе.

Аббас, считавший себя лучшим из лучших, с отвращением посмотрел на нищенку и произнёс:

Мне не нужна такая, как ты, потому что ты слишком уродлива, и я никогда не смогу полюбить тебя.

Однако несмотря на такие обидные слова, Зухра всё равно следовала за Аббасом, ненавязчиво помогая ему во всём и не претендуя на роль возлюбленной, раз он этого сам не хотел.

«Я пойду в Мекку и тогда постигну чудо и стану счастливым, потому что однажды встречу свою любовь», - подумал Аббас.

Прошло какое-то время, он исходил много дорог, познал много трудностей, но так пока не нашёл то, чего искал. И вот однажды он увидел настоящую красавицу. Она была чужеземкой, и на ней было голубое сари, в ушах играли золотом серьги.

Пойдём со мной, - сказал ей Аббас, несмотря на то, что Зухра была поодаль и всё слышала.

И вот они отправились вместе. Но случилось так, что в один из дней пути у Аббаса начался жар. Чужеземная красавица оставила его, потому что посчитала слабым. Много дней Аббас был без сознания, и ему уже начало казаться, что ангелы смерти Мункир и Некир прилетели за ним, чтобы вершить над ним суд за все его земные грехи. Ему уже казалось, что Зебани (хозяин подземного мира у мусульман) вот-вот настигнет его и унесёт в ад. Однако, очнувшись, Аббас понял, что жив. Зухра сидела подле него.

Что ты здесь делаешь? - в недоумении спросил Аббас.

Несколько дней ты был без сознания и бредил, а я ухаживала за тобой, - ответила нищенка.

А где....? - Аббас разочарованно посмотрел в пустоту.

Она ушла, когда ты впал в беспамятство, - произнесла с грустью Зухра, - я хотела удержать её, но она всё равно исчезла.

Через несколько дней Аббас выздоровел и продолжил свой путь. Ему уже не казалось присутствие Зухры отталкивающим, но всё равно он был полон надежд найти своё счастье и встретить свою любовь.

Прошло много дней и ночей, прошёл год, а они всё шли и шли. И вот однажды он вновь встретил ту, о которой мечтал. Она была так хороша, как гурия в сладких грёзах. Длинные волосы струились по стройным плечам, манящие глаза выражали бездну желаний, губы, словно лепестки роз, которые хотелось лишь целовать.

*Как тебя зовут? - спросил Аббас, полный восхищения.
Паруза, - ответила девушка.*

Ты и правда, как фея, - произнёс странник. Отныне он вновь был счастлив и уже подумывал об окончании пути. Но вновь случилось то, что никто не ожидал.

Деньги и драгоценности закончились, Аббас превратился в нищего, ему даже нечего было есть. Паруза, испугавшись бедности, оставила его.

Я не смогу быть такой красивой без средств, и чтобы ты сам первый не бросил меня, я ухожу от тебя, - сказала она.

Аббас был так сильно разочарован. Несмотря на это, преданная Зухра в ближайших деревнях доставала продукты, и так они могли поддерживать своё существование.

Прошло много лет, Аббас так и не добрался до Мекки, но он всё равно не оставлял своей мечты. Он встретил ещё много красавиц, но все они уходили от него, испугавшись трудностей на пути.

После того, как очередная красавица бросила его, Аббас покрылся коростами и больше не мог идти. И лишь преданная Зухра накладывала целебный бальзам на его кровоточащие раны.

Они остановились в небольшом ущелье, чтобы поддержать свои силы. Город Мекка была видна, стоило лишь посмотреть на неё из шатра.

Ты должен дойти до этого священного места и исполнить свою мечту, - произнесла Зухра, обратившись к своему разочаровавшемуся во всём и страдавшему от ран спутнику, - Пойдём, ещё немного, и ты будешь там.

Нет, я не могу. Это не моё тело покрыто коростами, это моя душа так уродлива. Я не достоин тебя, не достоин войти с тобой в священную Мекку и постичь смысл жизни и любви. Ты всё это время была предана мне, но я не заметил красоты твоего сердца, бросаясь на внешнюю красоту. Я наказан за это.

Зухра улыбнулась и скинула с себя плащ нищенки. И только тогда Аббас увидел, как она красива и молода, хотя все эти годы странствия не замечал этого.

Я не достоин, - только смог вымолвить он.

Но Зухра не дала ему договорить. Она протянула ему руку и сказала:

Идём же. Ты достоин, потому что полюбил меня ещё до того, как увидел красоту моего тела.

Коросты тотчас сошли с него, потому что истинная любовь способна исцелять всё на свете. Когда это произошло, Аббас понял, что постиг смысл жизни, который искал....»

Али-хаджи окончил свой рассказ, а мы ещё долго молчали, стараясь до конца понять смысл этой притчи. Ильхам вытирала слёзы, я же не отличалась такой сентиментальностью, но всё равно мне понравилась притча. Если бы Ильхам не была моей подругой, я бы презрительно фыркнула на её слёзы. Как можно быть такой чувствительной!

А дальше..., - сказала я, обратившись к рассказчику.

Он задумался и вздохнул:

А ты как думаешь?

Я пожала плечами, вовсе не зная, что думать, однако в душе надеясь на счастливое окончание истории для этих двоих.

Аббас отбросил свои сомнения и остался с Зухрой, они вошли в Священную Мекку и были счастливы вместе. Любовь — это не только внешняя красота, это ещё и верность, и преданность. Внутренняя красота раскрывается позже нежели внешняя. Но эти качества, по моему

мнению, наиболее ценны в человеке, так как когда они развиваются, это говорит о том, что человек прошёл много жизненных испытаний и стал мудрее.

Помню, в тот день Али-хаджа рассказал нам ещё несколько притч, которые тоже произвели на меня впечатление. Перед тем, как я уснула под треск камина и шёпот дождя, Али-хаджа сказал:

Утром я снова отправлюсь в дальнее странствие, чтобы окончательно вымолить свой грех перед Аллахом.

Каков же Ваш грех, Али-хаджа? - спросила я, уже чуть ли не спросонья.

Я любил жену хозяина этого дома, - ответил он, - я вожделел её, хотя никогда не дал понять этого внешне. Но Бехман не догадывался о моих глубоких чувствах, целиком доверяя мне.

В чём же тогда Ваш грех? Разве Вы виноваты, что полюбили?

Я прелюбодействовал с ней в своих мыслях, а это — большой грех. Афсана.....я всё равно думаю о ней.....

После этих слов я окончательно уснула.

.....Когда я проснулась, было раннее утро. Камин давно погас, а дождь кончился ещё глубокой ночью, редкие капли с листьев падали на окно. Сквозь густую крону просвечивали яркие лучики Солнца. Я зажмурилась.

Всё, что произошло накануне, показалось мне сказкой, вымыслом, однако память моя чётко запечатлела образ Али. Ильхам доедала остатки пирожков с бараниной, которые дала нам повариха Ясмينا.

А где же....?

Он ушёл, когда ты спала, - сказала Ильхам.

Нам нужно возвращаться обратно, наверное, нас уже хватились.

Ильхам посмотрела на меня, как испуганный кролик.

О, Аллах, г-жа Паниз напишет моим родителям, и дома меня будет ждать настоящая взбучка.

Я встряхнула подругу:

Перестань! Ничего они не сделают! Подумаешь, наказание!

Мне было не привыкать.

.....В тот день нас ждало действительно не очень приятное наказание. Нам вручили по ведру, тряпке и отправили убираться в учительской. Когда мы, наконец, появились в медресе, оно напомнило мне растревоженный муравейник. Ясмин, завидев нас, скорее увела меня и Ильхам в кухню.

О, Аллах! Где вас шайтаны носят! - воскликнула она.

Мы не нашли, что ответить.

Вас не было на утреннем намазе и чтении «Мевлюда», а также на завтраке, - не унималась кухарка, - г-жа Манижа сбилась с ног, ища вас. Ваша соседка по комнате, кажется, её имя — Зухра, сказала, что вы обе не ночевали. Идите срочно в кабинет директрисы. Но сначала я вас накормлю.

Да, естественно, после всего услышанного завтрак в виде похлёбки из проса не лез мне в горло. Я мельком поглядывала на Ильхам, которая была в жуткой панике. Однако я привыкла проходить испытания, какими бы они ни были, с гордо поднятой головой.

Перед тем, как пойти в кабинет г-жи Паниз, я ещё раз достала из своего вещ-мешка фото из брошенного дома, в котором нас с Ильхам волей случая довелось провести целую ночь. Затем достала из шкатулки свой алмаз и сравнила его с тем, что был запечатлён на пожелтевшей от времени фотографии. Никакой разницы я не заметила. В тот момент мне важнее было разгадать историю камня, чем выслушивать порицания г-жи директрисы.

Мы стояли перед ней в её маленьком кабинете-шкатулке, низко опустив головы. На этот раз г-жа Паниз была в красивом красном чаршафе, который очень шёл к её уже увядающему лицу.

Заложив руки за спину, она строго ходила взад-вперёд, ожидая наших объяснений, но, к сожалению, нам так и ничего не приходило в головы в тот день.

Мусульманская девушка не должна вести себя так легкомысленно, как вы! Я знаю, вы приехали сюда и воспитывались в уважаемых семьях, которые почитают традиции. В первый же день учебного года вы показали себя не с лучшей стороны. Мне придётся принять серьёзные меры в отношении вас; однако я дам вам обоим шанс, и с этого дня вы будете находиться на испытательном сроке.....

В тот день я не слушала речь г-жи Паниз, потому что думала об Али и о голубом алмазе на чалме Бехмана-джана.

Но для себя я решила чётко — нужно подальше держаться от ябеды Зухры (жаль, что у неё было такое замечательное имя, ведь моя соседка по комнате даже отдалённо не походила на Зухру из притчи Али-хаджи).

.....Прошёл месяц, помню, я и Ильхам вели себя как паиньки. Брошенный дом больше не тянул меня к себе, ведь Али-странник отныне отправился в далёкий путь, и неизвестно, когда вернётся. А без него дом был, будто без души: пустым, тёмным и пугающим. Со временем я даже забыла о том сне, который увидела в «фиолетовой комнате».

Что касается моих проказ, то они по-прежнему продолжались, только уже в медресе, а не в доме бану (спасибо Всевышнему за терпение моих учителей, и дай Аллах им здоровья).

Однажды мне почему-то показалось, что занавески на окнах в одной из классных комнат слишком скучны и обыденны. Тогда я выпросила у кого-то из своих новых одноклассниц ножницы и обрезала их волнами и зигзагами. Получилось действительно забавно, правда, это мне стоило надранных ушей и почти сутки проведённых в кухне за чисткой картофеля. Естественно, в тот день Ясмине-апа-джан была очень довольна мной и моей работой, наверное, она была на седьмом небе от счастья, ведь она получила такого ценного работника.

За это в награду она испекла мне булочек с курагой и кунжутом, которые я страсть как любила. А ещё она впервые научила меня делать «бутерброды». Это название показалось диковинным для меня, но с присущей мне способностью всё быстро постигать я привыкла к нему.

Впоследствии на протяжении всех лет моего обучения в медресе я периодически изъявляла желание помогать Ясмине-апе, стараясь облегчить её тяжёлый труд, который она, в общем-то, любила. За это кухарка нарезала мне бутерброды с различными начинками и накладывала их в небольшую плетёнку для пикников. Плетёнка обычно ожидала меня при входе в кухню, где во всю командовала своими подопечными Ясмине-джан.

Я брала её и отправлялась в сад обычно с учебником, чтобы выучить, что было нужно и исправить очередную «двойку». Вообще-то, я не была ни «отличницей», ни «двоечницей», но часто нудная зубрёжка и чтение наводили на меня скуку, и на уроках я зевала без зазрения совести. Но также я делилась содержимым плетёнки со своими одноклассницами, с которыми у меня сложились более-менее доверительные отношения. К их числу относились: Ильхам, импонировавшая мне своей весёлостью и непосредственностью; Махназ, оригинальная во всём, как и я, она любила проказить и поддерживала меня в моих выдумках; Ферешта, знавшая много интересных историй и Рошанак, знавшая толк в юморе и различных играх с мячом.

После той ночи исчезновения меня и Ильхам перевели в общую спальню, предназначавшуюся для девочек из менее состоятельных семейств, поэтому у меня возникла возможность быстрее сойтись со своими будущими подругами по забавам.

Однажды, когда мы обедали в столовой, туда вошла группа девочек, которые были одеты совершенно одинаково и вели они себя тоже как-то одинаково, будто, копировали друг друга, что меня и заинтересовало. Их привела учительница и усадила за отдельный стол.

Да, как это ни странно, наш медресе, хоть и считался официально мусульманским учебным заведением, и, тем не менее, нас обучали помимо традиций ислама и некоторым европейским обычаям и даже языкам западного мира. Это был самый лучший медресе во всём Иране, к тому же сюда стремились и девочки из Турции и виднейших семейств Азербайджана и Курдистана.

Создавалось впечатление, что, воспитывая интеллектуально развитых мусульманок, Тегеран не хотел «ударить лицом в грязь» перед Европой и теми, кого называли «неверными». Была ли это всего лишь уступка Востока или дань моде, никто из нас не задумывался. А, возможно, желание привлечь на свою сторону как можно больше сомневающихся. Ведь образованная во всех отношениях женщина ислама могла вызвать симпатии самых заядлых скептиков и исламоненавистников.

На Востоке не принято принимать пищу за высоким столом. У нас существуют специальные столики на низких ножках, и мы делаем это, сидя на полу или подушках. Однако в медресе г-жи Паниз для приёма пищи предназначались лишь высокие столы и такие неудобные сиденья под названием «стулья».

Кто это? - спросила я Ильхам, указывая на группу вошедших в столовую воспитанниц.

Они предназначены для того, чтобы стать прислугами в богатых домах Ирана, а также часть из них будет калфами в известных гаремах Арабистана, - произнесла Ильхам.

А кое-кто из них станет наложницами в этих гаремах, - сказала Махназ, искоса поглядев на девушек.

Я поморщилась:

Значит, их начнут дрессировать для своих господ. О, Аллах, они смотрятся жалкими марионетками. Никто никогда не заставил бы меня выслуживаться перед каким-нибудь идиотом и ублажать его.

Девочки, а если это — любовь? - спросила впечатлительная и склонная ко всяческим сентиментальным глупостям Ферешта.

Ерунда! Никакой любви не существует! - фыркнула я, - Только дураки выдумали это никчёмное чувство

Вот подожди, Гюль-че-чек, Нежный Цветочек, вот полюбишь, тогда посмотрим на тебя. Будешь целовать его стопы, чтобы он только посмотрел в твою сторону.

Ни за что! - я показала язык Фереште, а она, сощурившись, погрозила мне пальцем:

Вот посмотрим!

Я ещё раз посмотрела на девочек, и мне по-настоящему стало жаль их. Нет уж, я никогда не буду такой безвольной, как они!

...Да, моим проказам по-прежнему не было счёта. В один день, например, я раскидала по классу крошки, которые оставались у меня каждый раз после приготовленных Ясмин бутербродов, зато во время уроков г-жа Махназ не могла отбиться от надоедливых мух и шершней, которые вились по классу туда-сюда и то и дело, норовили присесть то на стол учительницы, то на носы учениц.

Меня раздирал дикий хохот, когда я наблюдала за этим представлением, но я, как истинная актриса, корчила из себя недовольную особу, морщилась при виде летающих вокруг насекомых.

Это же недовольное выражение лица было и у самой г-жи Махназ во время урока, только в отличие от меня оно у неё было не наигранным.

- Кыш! Кыш! Иди отсюда! Шайтан вас всех раздери, - ворчала сквозь шёпот учениц г-жа Мехназ.

Было множество шалостей, за которыми стояла я и мои подруги по медресе, следовательно, мы так и остались безнаказанными. В другой раз я, Ферешта и Рошанак сговорились поставить с вечера кувшины с молоком в спальню, предварительно прикрыв их простынями.

На следующий день Ясмин, как всегда, позвала меня работать на кухню, чтобы помочь ей, а заодно и поболтать о всяких пустяках.

Как мы и предполагали, молоко закисло, а на следующий день после ужина всем девочкам и зануде Зухре, в том числе, принесли прокисшее молоко. Правда, наша «великолепная пятёрка»: я, Махназ, Ильхам, Ферешта и Рошанак, наслаждалась свежим парным молоком, которое нам принёс молочник Хабир-абу в отдельном горшке. Мы видели, как недовольно морщились девочки, отведав каждая свою порцию «молочного снадобья», подмигивали друг другу, дескать, нам была известна какая-то тайна. А потом театрально морщились и громко заявляли во всеуслышание:

- Ох, какая же это гадость пить кислое молоко вместо свежего! И куда смотрит уважаемая г-жа Паниз, ведь мы – такие неженки и белоручки.

Номер снова проходил «на ура». И это, не считая выкрашенных в белый горошек столов и стульев в одной из классных комнат! Старая помощница Ясмин-апы, Зиб-апа, только руками разводила.

О, Аллах! Ураган, а не дети. Вот увидите, прилетят за вами ещё шайтаны. Вот выйдите замуж, достанется вам от свекровок!

Но были и трогательные моменты, которые я, уже спустя столько лет вспоминаю с теплотой и нежностью. Например, уроки ковроткачества у нас в медресе вела г-жа Марьям. Это была очень хрупкая женщина с нежным лицом, таким нежным, что мне иногда казалось, ещё немного, и её кожа засияет, словно Солнце над дворцом шаха. Я помню, у неё был тихий голосок, который был способен усыпить человека, но, тем не менее, я старалась внимательно вслушиваться в то, что она говорила.

Она так доходчиво и красиво говорила о сочетании цветов и переплетении нитей, что я невольно загорелась идеей собственными руками вы ткать настоящее произведение искусства, хотя раньше совсем не замечала в себе способности видеть красоту.

В классе на стенах висели небольшие ковры с изображением птиц, пейзажей, цветов, фруктов и даже сценок из жизни крестьян. Я помню, как впервые, оказавшись в классе для уроков ковроткачества, задала единственный вопрос, который никто никогда не задавал г-же Марьям.

Это Вы сами сделали? - спросила я её, - своими руками?

Сначала она, казалось, была озадачена, затем даже смутилась и едва слышно ответила:

Да. Когда-то я обучалась этому мастерству у своей тётушки и ткала ковры, которые поставлялись на продажу в Багдад и Исфахан до тех пор, пока наша семья не разорилась, и я не оказалась здесь в стенах этого медресе, иншалла.

Смущение её ещё усилилось, когда она заметила, что все девочки, присутствовавшие в классе, с интересом слушали её столь короткий рассказ.

Простите, я отвлеклась, - спокойно произнесла г-жа Марьям, - продолжим наш урок.

Нет-нет, пожалуйста, расскажите о себе, Марьям-джан, - сказала я.

Это могло показаться дерзостью, однако Марьям-джан из-за своей скромности, незлобливости и мягкости совсем не заметила ничего такого в «моём поведении».

В другой раз, - возразила она и перешла к теме урока.

Эта учительница вызвала во мне сочувствие и уважение. Но уважение возникло не за напористую силу, а в ответ на тот душевный отклик, который она смогла вызвать во мне. Я почувствовала ту душевную теплоту в её сердце, которой я была лишена многие годы моего детства и юности....

.....Да, ковроткачество мне давалось с большим трудом: то руки, казалось, совсем не слушались меня, то нити плелись совсем не так, как нужно. Однако симпатия, возникавшая между мной и этой хрупкой женщиной, сделала невозможное. Постепенно азы этого искусства начали постигаться мной шаг за шагом до тех пор, пока я не добилась совершенства.

В один прекрасный день я развернула перед г-жой Марьям вытканый своими собственными руками ковёр. Для того, чтобы завершить его, я приходила в мастерскую в вечернее время и несколько часов проводила там в сумраке четырёх стен, занятая переплетением нитей. Так как в нашей маленькой группе я считалась лидером, мои подруги тоже заразились от меня ковромачеством. Но в отличие от меня все четверо: Ильхам, Ферешта, Махназ и Рошанак решили сплести ковры, чтобы похвастаться перед многочисленной роднёй. И только я одна хотела подарить свою работу нежной и хрупкой, но в то же время сильной духом Марьям-джан.

Каково же было удивление и изумление присутствовавших в классной комнате девочек, включая и саму г-жу Марьям, когда неожиданно перед ними возникла целая поляна цветов, состоявших из разноцветных нитей.

О, Аллах! Как красиво! - воскликнул кто-то из учениц, - Гюль-че-чек, Нежный Цветочек, где ты это взяла?

Нигде. Я сделала это своими руками, - ответила я.

Не может быть! Ты не умеешь ткать ковры.

Подозрительная Фирузэ сощурилась, решив понаблюдать за моей реакцией. Я бросила на неё полный упрёка взгляд.

Этому невозможно научиться, - настаивала на своём Фирузэ, - во всяком случае, невозможно так искусно сплести, даже узелков нигде не видно. Тебе, наверное, привезли ковёр из дома, а ты решила выдать его нам за свой труд.

Ещё бы немного, и я ударила бы эту длинноногую выскочку.

«Невеста не умеет танцевать, а говорит, пол кривой», - сказала Марьям-апа, всё ещё восхищённо глядя на произведение моих рук, - Девочки, всему можно научиться, нужно лишь проявить старание и настойчивость. Так утверждала моя бабушка, и она была права.

Так Вы верите, что это я сама сделала? - спросила я, обратившись к учительнице.

Верю, - произнесла Марьям-апа.

Я с уважением посмотрела на учительницу.

Подари это тому, кого ты полюбишь, - зардевшись до корней волос, сказала она.

Я дарю Вам, Марьям-джан.

Я видела, как щёки учительницы запылали.

В твоей жизни ещё появится тот, кого ты полюбишь всем сердцем.

Я люблю бану, дядю Махсуда, Бехруза и Махсу, хотя она и вредная.

Марьям-джан улыбнулась:

Я говорю о другой любви, Гюль-че-чек.

Глупости всё это! Все мужчины — сплошные эгоисты. Пожалуйста, ради Аллаха, не отказывайтесь от моего подарка. Я вложила в него всю свою любовь, которую Вы раскрыли во мне. Это — любовь к красоте.

Ну что ж, благодарю тебя, Гюль-че-чек. Это действительно очень красиво, - сказала учительница, - я отвезу твой подарок в свой дом, чтобы он согревал моё сердце.

Наверное, я навсегда осталась в памяти Марьям-джан.

.....Помню, однажды мы все впятером гуляли в саду медресе, закусывая бутербродами, которые приготовила для меня Ясмин-апа. Мы сели на скамью поболтать подальше от той части здания, где находился класс философии. Учитель был очень строгим и нудным человеком, поэтому мы в свободное время старались держаться от него подальше.

Помню, Ильхам как-то лукаво подмигнула мне и вытащила из своего мешочка для сладостей, которые мы часто брали с собой в сад, изящную фарфоровую чашечку для кофе. На чашечке была изображена мечеть в лунную ночь.

Я знала, такой кофейный набор, состоявший из шести чашек с блюдцами и одного фарфорового кофейника, а также ложек для размешивания кусочков сахара, был единственной

именной вещью во всём Иране. Он считался одной из ценностей в нашем доме. Я часто любовалась картинками лунной восточной ночи, особенно, когда бану подавала на обед кофе с мускусом. Когда-то этот удивительный кофейный набор был в моём родном доме, но после долгих странствий мама решила подарить его тёте в качестве благодарности за все её заботы о нас. Я удивилась, когда Ильхам показала мне чашку из набора.

Откуда у тебя чашка? - спросила я.

Из этого старого дома. Я прихватила её, потому что она мне очень понравилась.

Я объяснила Ильхам, что в моём родном доме были точно такие же чашки, только их было шесть.

Ильхам, проси всё, что хочешь, но ради Аллаха, подари мне эту чашку, - взмолилась я.

Я помню, какого сожаления был полон взгляд Ильхам в тот день, направленный на чашку и блюдце с мечетью в восточную ночь.

Она тяжело вздохнула и ответила мне:

Мне ничего не нужно от тебя, Гюль-че-чек, если тебе так дорога эта вещь, возьми её, я дарю.

Я взяла чашку и блюдце и была очень благодарна Ильхам за её щедрость.

Но в тот день я так и не смогла понять, как эксклюзивная вещь из нашего семейного кофейного набора попала в дом незнакомого мне Бехмана. Я также не могла понять, как алмаз на его чалме мог попасть к моей маме, ведь я была уверена, что камень на фотографии и в моей шкатулке был одним и тем же.

Долгие годы эти загадки не давали мне покоя.....

Глава 4

«Ясновидец из Медины»

«Я видел мир,

Но всё, что в нём нашёл — ничто,

И слух мой слышал, и мой глагол — ничто;

Всё, что от края и до края обошёл — ничто,

Всё, что нашёл и потерял я — всё ничто.....»

(Омар Хайам, персидский поэт).

.....- Гюль-че-чек, Гюль-че-чек! Нежный Цветочек! Поторопись, твой жених Арман и его почтенный отец г-н Джамшид, пришли.

Мой жених?

Азар раздражённо посмотрела на меня.

О, Аллах, поторопись, Гюль-че-чек, не мучай меня своими глупыми вопросами. Ты должна предстать перед гостями в очень презентабельном виде. Ну, же, девочка, не будь растерянной, как овца. Тебе нужно лишь мило улыбаться и подать гостям кофе. Всё уже готово, госпожа попросила меня разыскать тебя. Беги в дом, зайди с чёрного входа и надень самую красивую розовую чадру.

Но тётя ничего не говорила мне о смотринах, - меня возмутило до глубины души, что бану даже не предупредила меня ни о каком женихе, зная моё негативное отношение к браку. Я ведь не вещь и никогда не вела себя, как безмолвная покорная рабыня, несмотря на то, что бану поощряла подобное качество в девушках.

Азар упёрла руки в бока, её огненные глаза метали искры.

Здрасьте, пожалуйста! Разве тебе неизвестно, Гюль-че-чек, что любая девушка рано или поздно выходит замуж. Не раздражай-ка меня, иди быстрее в дом, а то бану с меня шкуру спустит!

Я вышла из хлева, облегчённо вздохнув от того, что Азар не догадалась, что я хотела полакомиться сливками и творожной массой, постаралась придать своему лицу спокойное и немного гордое выражение и направилась к дому.

Ближе к заднему входу в дом, о котором мне говорила тётя Азар, удары моего сердца стали реже, успокоившись, я услышала чьи-то голоса. Прислушавшись, я различила один женский и несколько мужских голосов. Я не поняла, о чём они говорили, мне пришлось остановиться и отдышаться.

«Чёрный вход» обычно использовался для доставки товаров в дом или для приятельниц бану, которых дядюшка не выносил из-за чрезмерной болтливости.

Мы, дети, использовали эту дверь, о которой в доме, кстати, знали все вплоть до ленивого кота, чтобы избежать наказаний за какие-то шалости или проделки. Он выходил к речке, таявшей в ивовой рощице, поэтому в случае чего можно было всегда укрыться там.

Я увидела, как из кухни меня поманила бабушка Гюльзар. Она считалась самой старшей в доме, её все уважали, потому что, во-первых, она была матерью дядюшки Махсуда, хозяина дома; а во-вторых, Гюльзар-джан была очень доброй и мудрой женщиной, знавшей множество притч и сказаний.

- Гюль-че-чек, Гюль-че-чек, иди скорее, тебе нужно переодеться в розовое платье, чтобы понравится гостям.

- Розовое платье? - удивилась я.

- Хуршид на прошлой неделе заказала его у портнихи.

Я поморщилась:

- О, на мне и так неплохое платье.

- Но тебе нужно выглядеть ослепительно, чтобы очаровать жениха и понравиться его матери.

- Глупости, бабушка! Я даже понятия не имела, что сегодня придёт мой жених, а вырвалась сюда лишь на несколько дней на каникулы.

Бабушка только махнула рукой на мои резкие несдержанные выпадки.

Знаю, знаю, Нежный Цветок, тебе нужно как можно быстрее переодеться и отнести гостям кофе, - ответила бабушка, подмигнув мне, - Возможно, на жениха, выбранного Хуршид, ты и не обратишь внимание, но второй гость тебе непременно понравится.

Второй гость? - удивилась я.

Он необычно выглядит, у него светлая кожа и голубые глаза, и ещё его волосы такого же цвета, как колосья пшеницы.

Несмотря на то, что описание бабушки Гюльзар было необычным и могло заинтересовать меня, я пожала плечами, тем самым демонстрируя своё равнодушие ко всему происходившему. Должно быть, бану оказалась бы не в восторге от моего поведения, но она хлопотала в гостиной, и у меня были развязаны руки.

Наверное, кто-нибудь из приезжих, - пренебрежительно предположила я и начала подниматься по лестнице на второй этаж, чтобы, наконец, облачиться в свой новый наряд.

Платье, действительно, было восхитительным, и, как мне показалось, оно ещё больше придало живость и румянец моему лицу. Увы, его пришлось покрыть чадрой; правда, в тот день я была только рада этому. Больше всего в тот момент мне хотелось зарыться в грудь песка, чтобы обо мне все забыли.

Обычно девушки в такие минуты начинают терзать сестёр помладше, которые могли беспрепятственно входить в гостиную и видеть гостей, в том числе и жениха, окружённого сонмом неугомонных родственников.

Ой, скажите, а он красивый — терзались они вопросами.

Сестрицы наигранно смущались, делая важный вид:

Он страшен, как Шахмиран — царь змей, и ещё стар и суров, - при этом младшие сестрицы, которым обычно по возрасту не полагалось носить чадру, корчились от смеха, а невесты на выданье хмурились и утирали слёзы.

Я видела, как Махса со стороны наблюдала за мной, но я держалась слишком отчуждённо, чем вызвала её нескрываемый интерес. Я знала, Махса в отличие от меня очень хотела выйти замуж.

Угощение на столе, - сказала она, - если хочешь, я помогу тебе.

Я-то знала, Махса мечтала позаигрывать с гостями, чтобы подцепить жениха. Аромат кофе смутил меня, Махса шла следом за мной и несла огромное блюдо с творожными шариками с изюмом и миндалём. Берусь поспорить, она «строила глазки» всем мужчинам, находившимся в гостиной.

О, Аллах! Как неудобна чадра! Однако я была счастлива, что она на мне, потому что гости не должны видеть мои горящие глаза, хотя....ну и пусть видят! Я присмотрелась.

Помимо бану и дяди Махсуда за столиком для гостей сидели две женщины и трое мужчин. Одна из женщин была в возрасте, она сидела, всё время опустив глаза, будто, происходившая за столом беседа её вовсе не касалась. Иногда она брала с большого блюда орешки, запечённые в меду, и гостиная наполнялась хрустом.

К моему удивлению вторая женщина была совсем молода, чуть старше меня, совсем не наших краёв. У неё были светлые волосы, черты лица выдавали в ней жительницу Европы. Когда она кивала головой, то огромные серьги из какого-то редкого драгоценного минерала буйно танцевали в её ушах, будто, они были живыми. На её стройном теле было красивое платье цвета миндаля, которое сильно оголяло её тонкую стройную шею и плечи, и я, увидев это, смутилась. У нас было не принято, чтобы женщина выставляла на показ свою грудь. Слава Аллаху, чадра скрывала краску смущения на моём лице.

Молодая женщина оживлённо кивала в ответ на слова дядюшки и даже что-то говорила на языке «фарси», но я с трудом её понимала из-за акцента. Хотелось бы мне тоже быть такой свободной и раскованной, как эта юная женщина в красивом нескромном платье, но бану Хуршид строго следила за соблюдением традиций ислама.

Из мужчин за столиком сидели дядюшка Махсуд в шикарном зелёном халате, который он носил лишь по праздникам или в особо значимые для него дни. Вторым был пожилой господин в голубой чалме с зоркими глазами, наверное, людям становилось не по себе от его острого взгляда. Третьим был молодой иранец в дорогом, как и на пожилом господине, халате. Видно было, что он занимал какое-то положение в обществе. У него была смуглая кожа, кудрявые волосы, выставлявшиеся из-под чалмы. Над губами едва-едва пробивались усы. Молодой господин тоже казался отстранённым от беседы, иногда он прикладывался к молоку, поданному слугами и думал о чём-то своём.

Внимание моё привлёк третий человек. Это был тоже молодой господин по виду иностранец, одетый в модный костюм, какие по-видимому носили в далёкой Европе. Он был, как никто, красив, но какой-то особенной красотой. Кожа его была смуглой, но, скорее всего, от Солнца Ирана, которое она уже успела впитать в себя, у него были большие миндалевидной формы глаза цвета погожего неба, прямой нос, какой я видела на картинках в старых книжках по истории древнего Рима и Греции. Дуги бровей не сходились к переносице, как у большинства моих соотечественников, но были красивой формы, как и губы. Волосы цвета высушенных пшеничных колосьев, как и говорила бабушка Гюльзар, были коротко острижены и зачёсаны на затылок.

Я тотчас вспомнила свой сон из детства, в котором видела юношу с точно таким же лицом, а няня Амина уверила меня тогда, что это сам архангел Джабраил пришёл ко мне, чтобы передать мне весть.

И только в тот момент голубой алмаз моего перстня, который я украдкой надела на средний палец своей левой руки камнем вовнутрь, обращённым к поверхности ладони, дал о себе знать. Я хотела, чтобы перстень, как талисман, был со мной в день моей помолвки, раз отец и мама ушли в рай и не могли быть рядом со мной в такой важный для меня день. Я ощутила сильное жжение от алмаза, такое сильное, что отдернула руку, и поднос с кофе и чашками выпал из моих рук, забрызгав частично гостей и дорогой персидский ковёр на полу.

О, Аллах! Это был настоящий позор. Неловкость будущей невесты могла окончиться катастрофой и бросить тень на её родню.

Я плохо помню, что происходило дальше. Кажется, бану грубо отчитала меня.

Как ты рассеяна, Гюль-че-чек! - как сквозь какую-то пелену, слышала я её громкий голос.

За моей спиной раздался раскатистый смех Махсы, впрочем, тётя её быстро приструнила, отправив на кухню за служанкой. Помню, как она натянуто улыбнулась гостям, извинилась перед ними за мою оплошность. Я видела, что молодой иностранец улыбнулся в ответ, несмотря на недовольство остальных гостей.

Конечно же, он смеялся надо мной и над моим дурацким положением. Из-под чадры, посмотрев на его цветущий, как мне показалось, самодовольный вид, я едва не бросила ему со всей злостью и сарказмом: «Павлин!», но какая-то сила, (возможно, страх перед наказанием бану и сплетнями в ауле), удержала меня от этого опрометчивого поступка.

Затем тёте пришлось из вежливости представить меня гостям, хотя я заметила, она делала это без особого удовольствия.

- Моя воспитанница Гюль-че-чек, - произнесла бану, кивнув в мою сторону, - не судите строго, девочка — сирота, мой муж приходится ей родственником, а я по доброте души приняла её, как дочь. Но я остаюсь ею довольна, - соврала бану, - отец Гюль-че-чек принадлежал к уважаемому в Иране семейству.

Я поклонилась гостям, как и полагалось.

- Г-н Джамшид и г-н Арман входят в совет шаха, - произнесла бану, представив мне двух гостей иранцев. Пожилой и молодой господин кивнули мне, ответив на слова хозяйки дома.

Я была растеряна, потому что служанка сновала по гостиной, стараясь собрать осколки фарфора.

- Г-н Александр со своей невестой г-жой Марией из далёкой России. Они путешествуют по Персии и являются друзьями г-на Армана, - сказала бану, почтительно поклонившись двум молодым иностранцам.

- Да, мы изучаем ваш язык, обычаи, культуру, вот и напросились в гости, - произнёс «архангел Джабраил» из моего давнего сна.

У него был приятный голос, и надо отдать ему должное, язык «фарси» он знал хорошо. Однако мне так захотелось убежать отсюда и провалиться сквозь землю под их испытующими взглядами. Хвала Аллаху, на мне была чадра, и никто не явился свидетелем моего внутреннего конфуза. Мария скомкала салфетку, с отвращением посмотрела на уродливые бурые пятна кофе на её платье и с иронией заметила:

- Очень жаль, что невесты из вашей страны носят чадру, и нельзя видеть их лиц.

- Присядь с нами, Гюль-че-чек, - пригласила тётя.

Я понимала, её слова были сказаны не от чистого сердца, а то, что полагалось говорить по этикету, поэтому мне пришлось принять предложение бану и сесть на отведённое мне место, несмотря на то, что душа моя рвалась далеко отсюда, от моего позора и от пристального взгляда незнакомца.

Я до боли сжала свой горячий голубой алмаз. Когда тебе пятнадцать лет, не так-то просто держать себя в руках и прикидываться смирённой овечкой, в то время, как в твоей груди горит огонь.

С одной стороны, я не находила себе места из-за пролитого по неосторожности кофе. С другой, я надеялась, что помолвка не состоится. Я покосилась на вставшего из-за стола дядю Махсуда и отца моего будущего жениха, которые уединились в соседней комнате, чтобы прийти, наконец, к обоюдному соглашению.

Я слышала, Вы учитесь в престижном во всей Персии медресе? - спросила Мария, обратившись ко мне (тётя предложила ей сменить испорченное платье на наше мусульманское) и теперь она попивала поданный слугой кофе в подаренном ей бану голубом платье, оно выглядело намного скромнее, чем первое. Кажется, она успокоилась после инцидента.

Да, - ответила я.

В Европе, особенно, в Италии, есть хорошие школы для женщин, как и у нас, в России институт благородных девиц. Но, увы, из-за трагических событий в Петербурге и смены власти он прекратил своё существование. А жаль, Вам бы понравилось, особенно уроки хороших манер и живописи.

Я не люблю живопись.

А что же Вы умеете, Гюль-че-чек?

Мне нравится ковроткачество. Недавно я подарила свой ковёр Марьям-джан.

Молодая иностранка пожала плечами, серьги вновь затанцевали, создав на стене солнечных зайчиков.

Ковроткачество — это же занятие для низших сословий, - съязвила она.

Мэри, прошу тебя, будь вежливой!

Молодой иностранец поклонился сидевшим за столиком и произнёс:

Прошу простить мою невесту. Я очень люблю Мэри, но иногда её заносит.

Все кроме меня понимающе закивали. Мне было неловко за собственную неспособность поддержать светский разговор и направить его в нужное русло. Александр ещё раз взглянул на меня. Я опустила глаза.

По нашим традициям, если девушка обладает способностью создавать ковры, это очень приветствуется, - объяснила бану.

Мария снисходительно посмотрела на меня:

Хорошо, будущая жена нашего уважаемого Армана научит меня азам?

За меня ответила молчавшая до сих пор пожилая иранка, которая являлась моей будущей свекровью, Зеба-джан.

Разумеется, если госпоже так будет угодно.

Чтобы создавать ковры, г-жа Мэри, нужно чтобы душа лежала к этому, - произнесла я на чистом «фарси», несмотря на то, что в медресе нас обучали кроме французского ещё и русскому языку, но русский я всё равно знала плохо. Этот язык был очень сложным для меня.

Тётя оказалась милосерднее, чем я думала, она отпустила меня к себе после получасовой попытки за столом.

Помню, в тот день вечером случилось ещё одно необычное явление. Я сидела в своей комнате и перед тем, как положить алмазный перстень в шкатулку, гладила его ребристую поверхность. Вдруг мне показалось, что камень сверкнул, и в центре я увидела чётко лицо Александра. Испугавшись, я убрала перстень в шкатулку обратно и вышла на балкон.

Мне, наверное, показалось. Было уже темно, на небе возникли первые звёзды, но я отлично видела сверху, как прощались гости. Рядом с крыльцом дома уже стоял поданный экипаж.

Чей-то пронзительный взгляд вывел меня из состояния забытья. Это были ясные голубые глаза молодого иностранца. Около минуты мы смотрели друг на друга, и только затем я осознала, что он увидел моё лицо. Сердце моё едва не выпрыгнуло из груди, я выбежала с балкона и укрылась в комнате. Снаружи доносились отдельные фразы, которые я краем уха уловила.

На будущей неделе после священного Рамазана Вы можете снова пожаловать к нам в гости.

Благодарю Вас, Махсуд-джан.

И обязательно привозите свою очаровательную невесту.

Мы почти не расстаёмся с ней.

Хм....Простите нашу Гюль-че-чек. Она всегда была озорной девочкой, и не судите её слишком строго.

Но Вам следует серьёзно заняться воспитанием девушки.

Не беспокойтесь, г-жа Мэри, Гюль-че-чек хорошо воспитана, просто в ней много огня.

Через какое-то время я услышала стук копыт и шум колёс по мелкому гравию дорожки. Экипаж удалялся куда-то на север.

Наконец, у меня имелась уйма времени, чтобы предаться своим слезам. Бабушка Гюльзар нашла меня рыдавшей на своей кровати, уткнувшись в подушку. Она погладила меня по шелковистым волосам и сказала:

- Эка печаль, девочка. Хочешь я лучше расскажу тебе одну старую восточную притчу?

Я любила бабушкины притчи и безвольно кивнула. Она протянула мне шербет.

- Слушай.

Притча о печали

В одном ауле жил очень несчастный человек. Он был таким несчастным, что ничего у него не получалось, и все соседи смеялись над ним. Его жена была сварливой и постоянно им помыкала, и от этого человеку становилось ещё хуже. Всё буквально валилось у него из рук.

Однажды он посадил небольшое рисовое поле, целыми днями ухаживал за ростками только что вышедшего из земли риса, но всё тщетно. Казалось, сам Аллах, Всевышний был против него.

В той местности через месяц случились сильные проливные дожди, а затем с гор сошла лавина, и рисовое поле было уничтожено в течение суток.

Горе мне, горе! - рвал несчастный на себе волосы, взывая к небесам, - теперь в будущем году у меня не будет плова.

Если у семьи всегда есть плов, это считается признаком богатства и благополучия.

В другой раз без видимой на то причины несчастный упал с коня и сломал себе ногу. В третий раз его жилище ограбили, ища золото, и унесли из дома всё, что там было. В четвёртый кто-то зарезал и унёс жившего в хлеву молодого барашка, который был предназначен для угощения в Навруз.

А в пятый раз жена его ушла от него, произнеся при этом:

- Для чего мне жить с таким неудачником, как ты!? С тобой происходят одни несчастья. Видать, Аллах решил покарать меня, соединив с тобой, - жена страдальца сошлась с его родным братом.

Он торговал платками, но и это дело потерпело крах, и человек оказался в страшных долгах.

И вот настал день, когда, совсем отчаявшись, бедолага вышел на Большую Дорогу, чтобы покончить с собой. Он дошёл до середины дороги, в этот момент грянул гром, пошёл дождь, и сверкнула молния. Посмотрев на небо, человек воскликнул:

- О, Всевышний, это Ты сделал так, что я несчастен и страдаю от своей судьбы! Пусть же моя смерть станет для тебя упрёком!

От бессилья человек упал и начал биться головой о землю. Вдруг он увидел поток света и зажмурился от этого. Перед ним стоял сияющий юноша.

- Кто ты? - спросил бедолага, не поверив своим глазам.

Юноша улыбнулся и ответил:

- Меня послал Всевышний, когда услышал, что ты незаслуженно упрекаешь Его.

- Незаслуженно! Но я страдаю и мучаюсь! - возмущился человек.

- Он просил меня помочь тебе, - сказал юноша, - я знаю, почему неудачи преследуют тебя изо дня в день.

- Почему? - спросил бедолага.

- Один из твоих близких родственников наслал на тебя печаль, поэтому ты так одинок и несчастен.

- И что же мне теперь делать? - спросил человек.

- Выйди на пересечение трёх дорог и громко скажи: «Печаль, приходи ко мне! Я одарю тебя богатством!»

Он так и сделал, как посоветовал ему сияющий юноша. В один из дней вышел на пересечение трёх дорог и крикнул: «Печаль, приходи ко мне! Я одарю тебя богатством!»

Вдруг он увидел, как к нему подошла очень красиво одетая женщина в дорожных одеждах. Она улыбнулась ему и произнесла:

Ты почему меня звал? Я и так твоя.

И только в тот момент бедолага вспомнил, что не спросил сияющего юношу больше ни о чём, находясь под впечатлением от его внешнего вида. Поэтому он не смог ответить на слова печали, и она исчезла.

Через какое-то время человек призвал к себе сияющего юношу, а когда он явился перед ним, спросил:

- Что я должен был сказать, когда печаль пришла ко мне?

- Скажи: «Идём в дом моего брата, который богат, и там тебе, печаль, будет, чем пожить».

- В дом брата? - удивился бедолага.

- Твой брат наслал на тебя печаль. Отведи её туда, откуда она пришла, тогда жизнь твоя изменится.

- Но мой брат не мог сделать этого.

- Он завидовал тебе, когда ты был успешен, поэтому и обратился к колдуну, чтобы тебя извести.

Сказав это, сияющий юноша снова исчез. Спустя какое-то время человек снова пошёл на пересечение трёх дорог и воскликнул:

- Печаль, приходи ко мне! Я одарю тебя богатством!

Но на этот раз ничего не произошло. Тогда человек воскликнул снова:

- Печаль, приходи ко мне, я одарю тебя богатством!

Он кричал и стонал, однако печаль не приходила.

- Как же мне выманить её? - спросил человек у сияющего юноши.

- Громко смейся и от души улыбайся. Тогда печаль удивится, поймёт, что ты счастлив и придёт к тебе.

Человек так и сделал, как посоветовал ему сияющий юноша. Он уже совсем окончательно отчаялся, думая, что печаль уже никогда не появится, и ему не удастся отвести её в дом брата, как вдруг он вновь увидел перед собой женщину в красивых одеждах, которая, казалось, возникла из воздуха.

- Что ты зовёшь меня? Я и так твоя, - сказала печаль.

- Я одарю тебя богатством, - произнёс человек по совету сияющего юноши.

Печаль оглядела его с ног до головы и сказала:

- Что же ты можешь мне дать, ведь ты и так беден?

- Я-то беден, но брат мой богат. Идём за мной, и ты найдёшь, чем пожить».

- *Зачем ты пришёл ко мне? - спросил брат, когда на пороге его дома появился бедолага, - От тебя же все отвернулись, потому что ты — неудачник.*

- *Я привёл к тебе печаль. От меня ей больше нечего взять, пусть она живёт с тобой.*

Сказав это, человек ушёл, а его возмущённый всем произошедшим брат, раздражённо захлопнул дверь. Он подумал, что печаль не смогла войти к нему через закрытую дверь, и что брат его кроме успеха, счастья и богатства лишился ещё и рассудка.

С тех пор жизнь человека действительно изменилась к лучшему. Он снова занялся торговлей, которая успешно развивалась, постепенно богатство вернулось к нему, и он снова женился на скромной красавице. В то время у его брата пошёл разлад. Он стал беден, несчастен и одинок. Его жена решила переметнуться обратно, но было уже поздно.

После всех этих событий сияющий юноша снова пришёл к человеку и спросил его:

- *Теперь ты доволен, и я снова могу уйти обратно к Тому, Кто послал меня сюда?*

- *Да. Но как сделать так, чтобы удача никогда не уходила от меня? - спросил человек.*

- *Отправляй печаль к тому, кто послал её к тебе и будь счастлив, - ответил сияющий юноша.*

.....- Отправляй печаль к тому, кто послал её тебе, и будь счастлива, - повторила бабушка Гюльзар, вытерев окончательно мои слёзы.

Я успокоилась в тот день, потому что притча, рассказанная мне бабушкой Гюльзар, успокоила меня. Я съела свой шербет и почувствовала, что очень устала за день. Меня клонило в сон, я решила, больше не думать о неприятностях и всё отправить на волю Аллаха. В тот день, взяв свои чётки, я помолилась и легла спать.

Мой сон был спокойным и глубоким, никто меня не потревожил, я забыла и про красивого иностранца с его невестой, и про своего жениха, с которым у меня должно было в скором времени состояться обручение, и про свою неловкость, и про свою безрадостную, в целом, жизнь. Я, казалось, была совсем далека от этого, витая где-то в облаках, как гурия.

....- Гюль-че-чек! Гюль-че-чек! Нежный Цветочек, вставай! Нам пора.

Кто-то бесцеремонно растолкал меня, грубо вырвав меня из моего сна. Вот встану и высплю тому нарушителю моего покоя парочку подзатыльников, кем бы он ни был! Я открыла глаза и увидела перед собой лица Ильхам и Махназ.

- Ты что, забыла, Гюль-че-чек!? – возмутилась Махназ.

- Забыла о чём? – зевнула я.

- Как же, мы же хотели сходить к одному ясновидящему, который недавно вернулся из Медины и поселился в окрестностях Тегерана. Говорят, он умеет читать мысли, видит по руке, предсказывает по звёздам.

- Только для чего мне знать мою судьбу?

Я вспомнила спросонья, что мы с девочками в выходной день решили пойти к ясновидящему, о котором слышали накануне. Ферешта, Зейнаб и Рошанак уехали к родне, а я, Ильхам и Махназ сошлись на том, что утром тайно покинем медресе, чтобы оказаться у колдуна. Говорили, к нему стекались целые толпы несчастных со всего Тегерана.

- Ну, как же, Нежный Цветочек! Ты же скоро выходишь замуж, покинешь навсегда медресе. Каждой девушке хочется знать свою судьбу.

Я пожала плечами. Судьба моя и так предрешена и определена и отнюдь не мною самой. Хуршид давно хотела избавиться от меня, выдав замуж. Впрочем, по мусульманским традициям вовсе не важно, есть ли любовь в сердцах двух людей или нет. Главное – традиции и уклад, а любовь может возникнуть со временем. Наваждение – от шайтанов, которые искушают человеческие сердца.

К Арману я ещё не успела проникнуться чувством, я едва знала его. Да и конфуз, случившийся в день знакомства с моими будущими родственниками, не обещал ничего хорошего. Я должна буду переехать в дом мужа и вести себя, как примерная жена, ходить по струнке и угождать свекрови, а также родить здоровых наследников. Что же такое пятнадцать лет для воспитанной женщины? Почти зрелость, когда ты должна остепениться, несмотря на то, что всё внутри тебя бурлит, как юность, бьющая ключом.

Я посмотрелась в своё зеркальце, чтобы пригладить волосы. За годы, проведённые в медресе, я выросла. Черты, присущие ребёнку, усовершенствовались. Угловатость манер исчезла, щёки покрылись естественным румянцем, будто только что сорванный плод персика. Глаза стали острее, подмечая в окружающем меня мире то, к чему оставались раньше равнодушными. Губы своей полнотой и цветом напоминали лепестки розы. Упругие груди налились соками жизни и молодости. Я смутилась, разглядывая себя в зеркале. Тот молодой иностранец увидел меня без чадры. Какой стыд! Хвала Аллаху, больше никто не явился свидетелем моего позора.

- А у тебя тоже есть жених? – спросила я Ильхам, которая помогла мне надеть платье.

- Нет ещё, - ответила Ильхам, - но на будущий год меня обязательно выдадут замуж.

- За кого?

Она пожала плечами.

- Не знаю, Гюль-че-чек. Но мама обещает, что это будет достойный человек.

....Я помню, в тот день, когда очередь, наконец, дошла до нас, и мы оказались в доме ясновидящего, внутри было темно и холодно, так холодно, что я поёжилась. Помню, моим первым желанием и порывом было сбежать отсюда, но было уже поздно.... Мои подруги ждали меня снаружи, их ещё не коснулось воздействие ясновидящего, и поэтому в отличие от меня они горели любопытством.

Меня позвали войти внутрь второго помещения, я очнулась от своих мыслей, не сразу поняв, что услышала человеческий голос. Я вздрогнула, увидела какую-то женщину в платке, которая вежливо пригласила меня войти внутрь. Во второй комнате горело множество свечей, и я только сейчас разглядела, что здесь располагалась ширма с вырезанными в ней в виде замысловатого рисунка отверстиями.

- Подойди ближе, - раздался мужской голос, который мог принадлежать пожилому человеку.

Он находился за ширмой. В комнате было так темно, так мрачно, что я едва могла разглядеть его очертания. Я приблизилась к ширме.

- Присядь, - раздался тот же самый голос.

Рядом с ширмой прямо впритык к ней стояли стол и один единственный стул. Я отметила про себя, что женщина в платке, вошедшая ко мне и принявшая деньги, растворилась, будто в воздухе, и мне стало жутко.

Зачем я поддалась на уговоры подруг и решила прийти сюда, отдав и без того скромные сбережения те, которые у меня остались в конце месяца?

- Присядь, - настойчиво повторил голос.

Я села за стол. Молчание, возникшее после этого, мне показалось довольно тягостным.

- Для чего ты пришла сюда? – услышала я из-за ширмы, будто неизвестный старик прочёл мои собственные мысли.

Если он действительно приехал из священной Медины, почему тогда здесь так холодно и мрачно?

- Не знаю, - вздрогнув, ответила я.

- Не знаешь? – спросил незнакомец, - все бегут сюда, чтобы узнать собственную судьбу или исцелиться от болезней. Они толпами простаивают под окном моего дома, не ведая, что судьбу можно изменить, поменявшись самим, а болезни им даны Всевышним, чтобы их души

окончательно не очерствели и не потеряли способность видеть красоту жизни. Если тебе этого не нужно, тогда ответь мне, что заставило тебя прийти сюда, даже преодолев собственный страх?

О, Аллах! Мысли путались в моей голове, как нитки бабушки Гюльзар, когда она пыталась аккуратно замотать клубок.

- Мои подруги уговорили меня, - сказала я, интуитивно поняв, что такой ответ не удовлетворит старика.

- Тогда иди с миром, - услышала я.

Некоторое время я боролась с собой, затем просунула в одно из окошечек ширмы свою левую руку.

- Этот перстень достался мне от моих родителей. Иногда я ощущаю сильное жжение, когда перстень на мне, и я встречаюсь с какими-то людьми. Наверное, мне всё это кажется, или я просто внушаю себе, хотя не считаю себя излишне эмоциональной. Скажите, перстень каким-то образом влияет на мою судьбу?

Я почувствовала тёплые руки ясновидящего старца, он долго разглядывал перстень, прикасался к моей ладони и к камню. Я напряглась от долгого молчания, которое начинало давить на меня. Наконец, я услышала его спокойный пронизывающий голос. Да, голос был именно «пронизывающим», потому что другое сравнение мне трудно подобрать.

- Могу сказать, что люди, от которых тебе перешёл этот перстень, до сих пор живы.

- Но этого не может быть! - воскликнула я, до глубины возмущённая, - Мои родители давно умерли, и теперь находятся в раю.

Я видела, как он пожал худыми плечами.

- Можешь сердиться или возмущаться, твоё дело, - сказал ясновидящий, - я говорю только то, что вижу, а не то, что слышу от своих посетителей.

Я прижала руку с перстнем к сердцу, моим первым порывом было выбежать отсюда, но я сидела, как пригвождённая, а ясновидящий из Медины продолжал говорить:

- Перстень с таким необычным камнем защищает тебя от злых сил, он окружён ореолом святости. Если не веришь мне, тогда узнай его историю. Он укажет тебе на твою любовь, которую ты уже встретила. Однако жизнь твоя будет полна трудностей и испытаний. Но любовь спасёт тебя и вылечит от твоей гордыни, она также исцелит того, кто уготован тебе судьбой. Настанет день, когда ты узнаешь тайну камня, только храни его, иначе потеряешь свою защиту.

В комнате со свечами снова воцарилось молчание.

- Всё. Ты можешь идти. Большого от меня не жди, - сказал старец из Медины.

Это было слишком неожиданно после того, как, казалось, он вошёл в транс; мне ничего не оставалось, как подняться и выйти.

Ильхам и Махназ тотчас окружили меня. Они дёргали меня за косы из-под чадры и смеялись:

- Ну, как, что он тебе сказал? Гюль-че-чек, Нежный Цветочек, поведай же, поведай же, что тебе сказал этот человек из Медины? Всю правду? Он назвал имя твоего жениха? А сколько у вас будет детей?

Мне казалось, я с трудом вышла из состояния фрустрации.

- Нет, - скупно ответила я, - наверное, он — обычный шарлатан, которых в последнее время стало много в Тегеране.....

В поведении подруг, которые после меня тоже по очереди побывали в той тёмной комнате со свечами, я ничего особенного не заметила, когда все втроём мы вернулись в медресе и как раз успели на вечерний намаз.....

.....А в празднование Рамазана в доме дядюшки и тётушки произошёл ещё один конфуз. Помимо моего жениха Армана и его родственников среди гостей были также двое молодых

иностранцев из России. Я чувствовала, что Александр и Мария (Мэри) очень внимательно наблюдали за церемонией обручения. Как обычно, я была в чадре.

Арман надел кольцо на мой палец, и отныне мы официально считались женихом и невестой. Гости громко хлопали, и я едва не приложила ладони к своим ушам, потому что гул стоял оглушительный. Дядя Махсуд сидел довольный собой, потому что на сегодняшний Рамазан он велел зарезать свежего барашка. Гостей было слишком много, многих из присутствовавших за столом я не знала и никогда в жизни не видела. Сказали, что гости приехали из разных аулов, потому что такое событие, как обручение сына Джамшида Хюссейна считалось весьма значительным.

О, Аллах! Какое же богатое было угощение! Дядюшка на праздник Рамазана не пожалел ничего, и казалось, всё самое вкусное, что было в доме в те дни, перекочевало на праздничный стол: орехи всевозможных видов, изюм, плов (от одного взгляда на него у меня потекли слюнки), шашлык, финики, коржи с пряностями.

Я с трудом отыскивала глазами Махсу, на которой сегодня была чадра лимонно-жёлтого цвета. Бехруз тоже был здесь. Он так вырос за последнее время, и вот-вот войдёт в юношеский возраст. Мне также сказали, что среди гостей были мои тегеранские кузины Тахмина и Лалех, а также дядюшка Рустам с тётушкой Хамиз.

Они так и жаждали посмотреть на то, какая я стала спустя столько лет. Но, хвала Всевышнему, чадра закрывала от них моё лицо.

В центр комнаты под музыку вышли две танцовщицы в изящных нарядных платьях с накидками, скрывающих их длинные густые волосы. Но я не смотрела на танцы, хотя сама могла танцевать не хуже (в медресе нас обучали искусству танца).

Меня беспокоила внезапная пропажа бирюзовой серёжки, которая, возможно, выпала из моего левого уха. Здесь столько было гостей, что я могла, растерявшись от такого количества незнакомых мне людей, не заметить, как исчезла серёжка. Перстень на моём пальце вновь начал гореть, благо, я не подавала в этот момент кофе. Правда, это нельзя было назвать «пожаром» в прямом смысле этого слова, а приятным пульсирующим теплом.

- Что случилось, Гюль-че-чек? - спросила няня Амина.

Я шепнула ей на ухо то, что меня беспокоило.

- Хорошо, сейчас поищу, - сказала она.

Гости также увлечённо наблюдали за танцами, другие говорили друг с другом, третьи просто ели. Мария смеялась, что-то обсуждала с тётей, было как-то непривычно, что она единственная из всех женщин, на которой отсутствовала чадра. Александр ел плов, иногда посматривал в нашу сторону, а также старался поддержать разговор со своей невестой. Через некоторое время няня снова пробралась ко мне и прошептала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.